

18+

Борис Попов

Странная неожиданность

Борис Владимирович Попов

Странная неожиданность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36055505

SelfPub; 2018

Аннотация

Врач Владимир из 21 века попадает в средневековую Русь. Немного освоившись, зарабатывает кучу денег и узнает, что к Земле летит метеорит, угрожающий гибелью всему живому и целостности самой планеты. И он идет с ватагой единомышленников договариваться с дельфинами к Черному морю. Дорога в 11 веке нелегка, да еще против спасателей встают черные волхвы. А идти все равно надо. И значит вперед, с весельем и отвагой!

Глава 1

– Стой! Стой, тебе говорят! – неказистый мужичонка, неожиданно вынырнувший из кустов, хватался за поводья наших лошадей. – Нельзя туда ездить, пропадете!

Мужик выглядел как-то необычно для сельской местности. Вся одежда в черных полосах, прямо тигр какой-то. За поясом топор с иззубренным лезвием, камни он что ли тут в лесу рубит? А сзади здоровенная прореха на портках, аккурат в центре зада. Что тут у них, свирепствуют гомосеки-дровосеки что ли? Селянин чудом отбилсЯ, так они теперь начнут посягать на наш маленький отрядик?

Самый добрый из нас, протоиерей Николай, настоятель Софийского собора Великого Новгорода, ласково спросил полосатика:

– Что случилось, сын мой? На тебя напал кто-то?

Надо сказать, что в нашем отряде три белых волхва, -кудесники, колдуны, предсказатели будущего – Наина, Богуслав и я. Белые-то мы белые, а убивать силой мысли умеем не хуже черных. Трудно убить только черного волхва, а если враг превосходит нас по силе, то просто невозможно.

Зверя мы изничтожим практически любого. Правда, была у меня одна неудача – не получилось уничтожить гигантского варана, пришлось саблей размахивать. И то было это практически летом, а сейчас уже середина октября 1095 года. Какие уж в это время вараны?

– Змей, змей громадный сюда ползет, – надрывался зем-

лепашец, размахивая руками, – удавит и сожрет!

Ну, это он, конечно, хватил. Какие тут, на Руси, опасные для человека удавы? Даже полозы душат в основном всяких землероек и сусликов. Да и живет эта крупная змея далеко на юге. А здесь, в северном лесу из удавов, кого-то крупнее ужа, и не встретишь.

– Вам сейчас по Горелой пади до Ведьминого лога уходить надо! Обьедете пятьдесят верст и целы останетесь!

Ну вот тебе и раз! Мы конец света едем от Земли отводить, нам с Армагеддоном бороться, а вместо этого будем по падам да по логом шараться.

– А ты где это так перемазался? – решил узнать бывший ушкуйник Матвей, подпоясанный элитной саблей из дамаской стали.

– Да он как из кустов на меня выполз, я шарахнулся в сторону, порты об сучок порвал, потом упал и по валежнику прополз.

– Ты б его топором!

– Много раз бил, будто по валуну стучишь. Топор весь в зазубринах теперь. Ничем гада не проймешь, весь словно кольчугой укутан!

Боярин Богуслав высказал нашу общую мысль.

– За предупреждение спасибо. Но гоняться по вашему лесу нет у нас времени. Нас народу много, вооружены хорошо, боевой опыт изрядный. Бог даст, отобьемся.

– Его убить невозможно! Обычное оружие его не берет! –

вновь завел крестьянин свою пораженческую песню.

– Попадется – убьем, – уверенно подытожил спецназовец Матвей, бывший атаман команды ушкуйников, признанных новгородских профессиональных убийц, которые постоянно грабят чужие земли.

– Э-эх, толкуй тут с вами! – махнул рукой земледелец и вновь шмыгнул в кусты.

Протоиерей перекрестил его вслед. Беседа была закончена, и мы поехали дальше.

Мы – это я, попаданец из далекого будущего 21 века, бывший врач-травматолог с 35-летним стажем, уже успевший заработать пенсию по стажу. Совершенно без всяких причин меня с дачного участка, который находился возле Костромы, выкинуло в 11 век. По ходу омолодился лет на тридцать.

Тут мне пришлось бежать из родного города в Великий Новгород. Здесь я и развернулся. Во-первых, наловчился лечить, как ведун – выравнивая и изменяя биологические линии. Во время обучения приобрел голос невиданной красоты и мощи, диапазон которого я легко могу изменять от дисканта до низкого баса, а при нужде уйти в женские варианты от сопрано до контральто.

Второе – построил две лесопилки на реке Вечерке, заработали мои лавки, торгующие досками на разных рынках Новгорода. Третье – приноровился изготавливать дорогие кареты на железных рессорах и наладил их сбыт.

Попутно пел великолепным голосом, рассказывал анекдо-

ты, бродил со скоморохами. Когда с остальных промыслов пошли большие деньги, давать концерты практически перестал, а пятерых музыкантов перевел в кирпичники.

Кирпич пошел в изрядных количествах, начали строить церковь на народные пожертвования. Этот промысел не приносил мне ни копейки. Никто каменных палат строить не хотел – практически даровой лес стоял вокруг стеной – бери не хочу. Горят избы и терема, часты пожары? Пусть горят, а мы отстроим! И на каждом шагу великий русский авось – авось не сгорим, глядишь все и обойдется, мы внимательные и аккуратные! Но остальные виды деятельности давали неплохие деньги – я поставил замечательную избу, женился.

А самое главное – стал волхвом! Раньше я об них знал только по пушкинскому стихотворению «Песнь о вещем Олеге»: жрецы языческих богов, предсказатели будущего. Дни и ночи молятся Перуну да предупреждают откуда гадюка выползет. В общем – любимцы богов! Сидят они в своих капищах, залитых человеческой кровью после обильных жертвоприношений и молятся пням, на которых вырезают лики явно ложных богов – Перуна, Сварога, Макоши и кучи божков помельче. А как воссиял над Русью свет истинной веры, и пошел народ с большим облегчением молиться Христу в православные храмы, нужда в этих сомнительных кудесниках махом и отпала. А все оказалось совершенно иначе...

Человеческих жертвоприношений на Руси не было нико-

гда! Мелькали иногда истории о скорбной судьбе курей и это все. Ни в одной древнерусской летописи об этом ни слова. Да и сами известные летописи исчезали массово. Описаны достоверно только абсолютно бескровные требы.

Все, что говорили и писали о зарезанных в ритуальных целях младенцах, стариках, женщинах, христианах ничем не было подтверждено. Все эти идеи – свидетельства беспощадной борьбы чужой, пришлой религии с исконно русской верой.

Исчезли все подтверждения длительного дохристианского существования русского народа. Сидели мол, в своих лесах и болотах дикие племена без всякой культуры, образования, письменности, резали друг друга и мечтали о приходе правителя из Европы. Заманили кое-как викинга Рюрика, и худо-бедно дело пошло.

А задолго до христианства скандинавы звали Русь Гардарикой – страной городов; до Кирилла и Мефодия, до придуманных ими глаголицы и кириллицы, славяне писали чертами и резами на бересте и идолах, а грамотность была поголовной.

И русы совершенно не хотели креститься – их крестили насильно, огнем и мечом. Славяне бились за языческую веру, – веру отцов, дедов, прадедов, далеких предков-чуров, защитников рода, бунтовали, под руководством волхвов, но были сломлены княжескими и боярскими дружинами.

Волхв коренным образом отличался от православного

священника. Чем тебе может помочь святой отец? Он администратор при церкви, и больше ничего. Попоет, почитает молитву, совершит крещение при рождении, обвенчает, отпоеет умершего. Функций много, души и каких-то особенных способностей – ноль. На попа можно выучить любого желающего. Подойдешь к нему со своей проблемой, ответ будет один – молись сын мой.

Есть и в православной церкви святые люди, которые лечат, изгоняют бесов, совершают чудеса, но их очень, очень мало – считанные единицы. Один из них едет на кобылке справа от меня и божественный луч озаряет его светлую голову. Это протоиерей Николай. Такой же, но гораздо более слабый луч, я видел только у учителя и наставника святого отца – отшельника Богдана, уже умершего от старости.

У других священников, ведунов, волхвов, этого нет, – божественная сила в них не заливается. Да и я тут не блистаю. Поэтому, когда в боярскую дочку недавно вселился бес, выгнать его смог только протоиерей.

А любой волхв – это абсолютно другое дело. Он всегда человек с необычайными способностями, и если их нет, то кудесника из него и не получится. Предсказание судеб, изменение погоды, поиск пропавших людей и вещей, изучение астрономических явлений, лечение любых болезней, изготовление оберегов, усвоение любого иностранного языка по двум-трем фразам, связь человека с богом, изменение психики людей, знание о свойствах трав и минералов и многое,

многое другое.

Но сила этих колдунов была разная. Низшие, вроде меня, знали и умели немногое. Освоить махом любой язык, увидеть процессы, происходящие в больном, быстро вылечить, отыскать все, что угодно.

Единственная девушка в нашей ватаге – Наина, была более умелой. Далеко видела течение судьбы человека, заговорила мой дом от пожара, могла передать свои мысли другому человеку, легко связывала магические способности противоборствующего. С ней отправился в поход безумно влюбленный в колдунью бригадир кирпичников Иван.

Боярин Богуслав был гораздо мощнее меня и кудесницы вместе взятых. Перед уходом в путешествие он всех обычных мужчин – меня, Ивана, Матвея – сделал богатырями. Сила приходила по нашему короткому приказу и длилась в течение минуты раз в сутки. В это же время значительно ускорялись реакции. После этого накатывала усталость. На очень короткую схватку хватит. Команды были у каждого свои. У меня – «Во» – включить, «Ва» – выключить. Чтобы я не перепутал в какой-нибудь лихой передраге, где думать и вспоминать будет некогда, Богуслав взял мое имя Вова и разделил его на две части – уж тут не ошибешься.

Волхв еще обработал колдовскими методами старенького боярина Твердослава Мишинича, и тот признал во мне младшенького незаконнорожденного сыночка – ублюдка. Звучит вроде обидно, но никаких прав не лишает.

Князь Владимир, крестивший Русь и ставший святым, тоже был бастардом, рожденным ключницей Малушей от известного князя-полководца Святослава Игоревича, известного обязательным предупреждением неприятеля: «Иду на вы!».

Святой Владимир получил киевское княжение и всю Русскую Землю в подчинение, а я реку Вечерку с близлежащими землями.

А нам предстоит бой с черным волхвом Невзором, который резко ослабит наши физические силы и замедлит нас до края. А враг в магическом плане был сильнее Богуслава раза в три. Боярин не даст нас убить секунд пять. Вот в это время и будем, вызвав силу и вернув быстроту, остервенело сражаться.

Еще в нашей ватаге ехал волкодлак Олег. Сейчас обычный с виду человек, в котором оборотня было не выявить никакой магией, он при нужде перекинется в волка, который будет и сильнее, и быстрее обычного зверя – в бою пригодится. На Западе их зовут вервольфами.

Месяц назад волхв Добрыня, мой наставник и учитель, сообщил, что к Земле летит громадный метеорит. После столкновения этих небесных тел цивилизация в том виде, как она существует сейчас, рухнет, так велика будет катастрофа: ураганы и цунами, которые вызовут глобальные наводнения, землетрясения, извержения вулканов, страшные пожары и прочие ужасы. Пылевая буря надолго лишит растения и жи-

вотных солнечного света.

Для того, чтобы этого не случилось, надо было объединить силы людей и дельфинов, а для этого отправиться к Черному морю (которое здесь звали Русским) по Днепру (сейчас Славутич). Потом найти великого персидского поэта Омара Хайяма. В какой именно части моря плавают нужные нам дельфины и где живет в большой стране автор тысяч рубаи – коротких четверостиший, неизвестно.

Мне значительно усилили память, и теперь все, что я ранее видел или слышал, было легко поднять и просмотреть. Стихи Омара Хайяма я любил, и поэтому как-то просмотрел в Википедии его биографию. Период с 1092 по 1131 год, когда его преследовали за безбожное вольнодумство, в электронной энциклопедии охвачен не был. То есть где поэт, математик, астроном и философ живет, а может и прячется сейчас, неизвестно.

Сам Добрыня пойти не мог, так как за кудесником, сравнимым по силе с самыми мощными черными колдунами, велось неустанное наблюдение. Темные волхвы считали, что прилет астероида снова, как и тринадцать тысяч лет назад, вызвавшее гибель Атлантиды, позволит им взять власть над человечеством.

И если бы белый волхв такой силы тронулся с места, против нас бросили бы резервы, и небольшой шанс прорваться, который имелся сейчас, был бы утрачен.

На мелочь, вроде нас с Наиной, внимания не обращали,

а вот Богуслава тоже просто так бы не упустили – охватили бы усиленными заботами, но он скрывал двадцать лет свои способности: не лечил, не кудесничал, не предсказывал будущего – жил простой боярской жизнью, предупрежденный своим учителем о будущей схватке. Наставник и рассказал ему, что против нас будет биться темный враг Невзор.

Добрыня объяснил на прощанье, что кроме нас, пойдет еще одиннадцать групп, может быть кому-то и удастся прорваться.

Я в необходимости куда-то переться сразу усомнился. Живем же мы в 21 веке, и ничего про удар крупного астероида и не слышали. Обошлось, стало быть, все как-то само по себе. Столкновение с таким гостем из космоса не осталось бы незамеченным. Ударь он даже где-то на безлюдных полюсах, в глухой тайге, жаркой пустыне, в бескрайних прериях, булькнись в громадный океан, катаклизм такого масштаба не остался бы невидимой мелочью.

Знаменитый Тунгусский метеорит был всего лишь тридцати метров в диаметре, а какой след оставил! У астрономов считается, что, если камень больше, это уже астероид, – малая планета. Страшный Апофиз, который ученые ждут пролетающим в опасной близости от нашей планеты в 2029 году, в поперечнике аж целых триста метров.

А сейчас речь идет о несущейся к Земле глыбе размерами с добрый десяток километров, а это в тридцать раз больше. Апокалипсис не утаишь, последствия будут ужасны. Словом,

как писал шотландский прозаик и поэт Роберт Льюис Стивенсон в своем знаменитом романе «Остров сокровищ»:

– Через час, те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым.

В ответ на эти мои высказывания, Богуслав просто спросил, пришли ли мы там в будущем, которое будет почти через тысячу лет, к идее развилки во времени, после которых в двух параллельных мирах события и история могут пойти совершенно по-разному? Вопрос был исчерпан – мы эту мысль не упустили.

Мало того, что о ней писали в разнообразной фантастике, где герои попадали в прошлое и изменяли ход истории по своему слабому разумению или невзначай (яркий пример – ваш покорный слуга), были и такие, что действовали с ясной и четко поставленной целью, прибывая по уже обкатанному маршруту на испытанных средствах передвижения.

Все это могло быть просто выдумками писателей, но ведь бывало, что непохожие на нас люди появлялись из ниоткуда, и рассказывали, что они из таких государств, каких в нашем мире никогда и не было.

Яркий тому пример – человек из Туареда. Эту страну он показывал на карте там, где у нас находятся Судан, Мали, Ливан, Алжир, Буркина-Фасо и проживают среди 200 других народов туареги, которые своего государства сроду не имели. Туаредец прилетел в Японию в 1954 году купить оружие для своей родины, которая воюет уже несколько лет. В

нашей реальности никакой войны, особенно на севере Африки, в это время и не было. Он рассказывал о существующей уже 1000 лет стране, активно борющейся за права африканцев.

Понятно, что короткая дорога в ближайший сумасшедший дом была ему обеспечена, но ясное и очевидное решение спутали документы, имеющие вид подлинных: паспорт с многочисленными визами различных государств, в том числе и Японии, водительские права, выданные в Туаред, чековая книжка несуществующего банка, обычная и вместе с ней неведомая валюта. И все это гляделось абсолютно настоящим.

Шпион? Были бы документы выданы где-нибудь в Буркина-Фасо, никто бы и не придрался – иди себе шпионь вволю, чего ты тут в послевоенной Японии, где армия разогнана и даже сил самообороны еще нет, а военная промышленность прикрыта и японские специалисты чинят самолеты победившей Америки, нашпионишь?

Быстро приехавшие люди из спецслужбы выручили озадаченных полицейских, увезя странного человека неведомо куда. По крайней мере в психиатрических больницах он не объявлялся. Наверное, вернулся в родной Туаред, хотя ходят упорные слухи, что неведомый странник отправился погостить в США, почему-то избрав Лэнгли, где находится штаб-квартира ЦРУ, местом проживания. Там, может и гостиниц-то нету...

Эти пришельцы очень часто ни одного нашего языка не знают, одеты непривычно, рассказывают о мире, где никогда не бывает солнца. И все это запротоколировано официальными лицами, серьезно задокументировано.

Поэтому задумываешься – а одна ли была развилка? Не живем ли мы среди массы параллельных миров? У нас бывает, что люди исчезают среди бела дня на глазах у многочисленных очевидцев. Куда они деваются? Как?

Может и я сейчас стою на очередной развилке? Попала каменная гора в Землю – живите в пещерах и питайтесь обугленными головешками, оставшимися после катастрофы и годами не видя солнца, не попала – впереди сияющий мир небоскребов, компьютеров и сотовых телефонов, изобилие разнообразной еды.

И мы пошли спасать мир. Со мной была собака Марфа, которую Богуслав за месяц дорастил от семимесячного подростка до полуторагодовалого грозного алабая и резко добавил среднеазиатской овчарке, породе известнейших волкодавов, ума до двенадцатилетнего человека. Обычно они доходят до интеллектуального уровня трехлетнего ребенка. Марфу взяли с собой для того, чтобы не дежурить по ночам – туркменские алабаи известные караульщики. Грозный зверь дошел в холке до 70 сантиметров, уши и хвост были купированы еще в раннем детстве. Серо-черный цвет с белыми подпалинами на морде красил Марфу необычайно.

Из Великого Новгорода мы выехали вчера утром. К ве-

черу устали и остановились на ночлег на какой-то полянке. Была середина октября, и смеркалось уже рано. Развели костерок, быстренько сделали отвар из сухих яблок, пожевали пеммикана с сухариками. Пеммикан это индейская походная еда – высушенное и перемолотое мясо бизона, пропаренное в сале с добавками высоковитаминных ягод рябины, крепко посоленная, которую мы приготовили еще в Новгороде. Пеммикан не очень вкусен, но легок и не портится три-четыре месяца. Нам гоняться по окрестностям в поисках харчевен некогда.

Мне, правда, казалось, что свинина повкусней будет в качестве основы для кушанья, изготовленного по рецепту североамериканских индейцев, но заартачилась Наина.

– Мясо свиньи есть нельзя! – решительно заявила еврейская девушка, – оно не кошерно, это вам любой раввин скажет. То же самое и в Торе написано. Свинья не жует жвачку! Значит, она нечиста.

Я не стал вступать в теологические споры, типа, – у вас иудаизм, а у нас православие, у вас Тора, а у нас Библия – просто дал команду повару заменить животное.

Идею насчет использования кошерных курей пресек. Пока из них нужное количества жира добудешь, половину новгородских несушек изведешь. Особенно учитывая, что выход готового продукта по отношению к исходному сырью будет один к трем. А пеммикана на нашу ватагу надо было много. И, учитывая важность нашего похода, нам должно быть

все равно, кошерная, халяльная или постная у нас еда. Лопай, что дают! – как писал Антон Павлович Чехов.

После катастрофы переловим всю уцелевшую живность и сожрем. А потом начнем приглядываться друг к другу и размышлять: что-то ты, браток, какой-то великопостный сегодня, созрел, похоже, для котла...

Лошадям выдали по два килограмма кормовых дрожжей – трава уже высохла и была мало съедобна. Корм очень легкий и сытный. На каждого коника взяли по восемь кг дрожжей, на четыре дня хватит. А за это время попадетса по ходу какая-нибудь деревенька, где купим овес или ячмень, дадим коням и кобылкам свежего сена.

Олег сводил табунок на ручей, протекающий поблизости, лошади вволю напились. Он хоть и волкодлак, но бывший конюх, и лошадей очень-очень любит, а они отвечают ему взаимностью. За ночь Марфа никого не придушила, тревогу не подняла, все прошло на редкость спокойно.

Мы вначале хотим проехать до Смоленска, стоящего на Днепре, а вдоль реки уже спуститься до Киева. Словом, движемся по классическому маршруту «из варяг в греки». На купеческих ладьях не пошли – перетаскиваться по восьми волокам займет слишком много времени, на лошадках гораздо быстрее получится. А Добрыня нам волыннить не рекомендовал – расправятся черные волхвы быстро с какой-нибудь идущей параллельным курсом бригадой, могут подкинуть помощь нашему убийце.

А с утра, не успели толком проснуться, только что выехали с места стоянки, змей какой-то невиданный объявился. Из Википедии я знал, что большие удавы могут не есть по полтора года. Вот и поползал бы сегодня где-нибудь в сторонке, чтобы нам не мешать.

Слишком важным делом мы заняты, и отвлекаться на какую-то лесную погань сейчас просто недосуг. Если у нас все получится, вернемся и убьем, о чем разговор, а если нет, то и мы умрем, и длиннохвостого чем-нибудь пришибет.

И чем мы змеищу убивать будем? У нас только легкие сабельки. Мне бы сюда секиру с длиной лезвия в аршин (70 см) и весом в полпуда (8 кг) – накрошил бы гада. Есть, правда, у протоиерея рогатина со здоровенным, до двух пядей (36 см) длиной, наконечником, который на Руси называли рожон. Для удобства я сразу же переводил все местные показатели в метрическую систему, к которой привык с детства. Лишних поперечин на лезвии, как у протазана, не было, эта пика зайдет во врага очень глубоко.

Святой отец позаимствовал оружие во вверенном ему храме у сторожей, но сам священник им толком не ударит, а я умением пронзить пресмыкающееся с коня копьем не обладаю. Уж извините, не Георгий Победоносец!

Вдруг Марфа встала, как вкопанная, зарычала, а потом остервенело залаяла. Я удивился: среднеазиаты голос подавать не любят, а учитывая невиданный ум собаки, причина должна быть необычайно веской.

А на полянке, куда мы выезжали по очереди, уже закипела битва. Ушкуйник Матвей, который обучался искусству боя с малых лет, соскочил с коня и очень быстро наносил шашкой рубящие удары громадной змее. Тварь была серо-зеленая, с коричневыми разводами на боках, длиной метров пятнадцать. Змея все сильнейшие удары не брала, сабля не оставляла на его блестящей шкуре даже царапин.

Вдобавок, он явно не желал быть зарубленным, и всячески пытался поймать и задушить дерзкого человечка: извивался, поднимался на хвосте, раскачивался подобно маятнику, а затем совершал молниеносные выпады в сторону Матвея, стараясь обвить противника смертельными кольцами. При этом из пасти постоянно вылетал и втягивался назад раздвоенный язык, раздавалось мерзкое шипение. Редкая гадость!

Мы, три кудесника, сосредоточились на попытках истребить пресмыкающееся силой мысли. Способности волхва у меня до финальной схватки были приглушены Добрыней для того, чтобы черный колдун принял меня за обычного человечешку и подпустил к себе поближе. Как белый волхв, я все равно мало чего стою, а вот в простых бойцах не подведу – Матвей многому выучил, пользы от меня будет больше. Потом Богуслав мои мелкие таланты возвратит на место.

Но убить может и ведун, а эти способности у меня остались нетронутыми. Суммарный эффект наших сил никакого эффекта не принес. Сплоховали ведуны и колдуны!

Звучное чтение молитвы протоиереем древнерусской ана-

конде тоже не повредило. Налетел и начал рубить змеищу Иван – с тем же успехом. В нашу возню не ввязывались Олег и Марфа – с зубами тут много не навоюешь.

Рано или поздно неуязвимая змея кого-нибудь поймает, и вся эта история плохо кончится – на одного путешественника в нашей ватаге станет меньше.

Перед отъездом мы с Ваней месяц тренировались стрелять из арбалета и кидать метательные ножи в цель. Хорошо стрелять из лука надо учиться очень долго, и этого времени у нас не было, а близко к себе черный волхв не подпустит. По этой же причине не сильно оттачивали мастерство боя клинковым оружием.

Арбалет был многим хорош: стрелял далеко и метко, выпущенный из него болт пробивал, в отличие от стрелы из лука, любую кольчугу. И выучиться им неплохо пользоваться, не промахиваться на расстоянии в 10-20 метров, можно было махом, что мы с Ваней и сделали. Был всего один, но существенный минус – увернулся вражина, или отбил болт, и все! Перезарядить самострел за оставшееся до его завершающего удара незначительное время в несколько секунд никак не успеешь. Останется одно – умереть с гордо поднятой головой!

Чтобы этого избежать, решили использовать метание ножей. Бросай один за другим прямо с пояса. У нас с Иваном их по пять штук было размещено в особых карманчиках. Для еще большего ускорения решили «стрелять по-македон-

ски» – с левой руки выстрел из арбалета, с практически одновременным броском ножа правой. И дальше – кидай ножики, пока не пришибли!

У меня заряженный самострел был приторочен к седлу – вдруг Невзор откуда-нибудь выскочит. Поэтому, не мудрствуя лукаво, выстрелил. Попал. Болт ударил в змея, скользнул по коже и отскочил в сторону. Да что он там, чугунный что ли?

Бросать ножи было явно бесполезно. Пора было менять оружие. Богуслав перед походом долго колебался – что брать: меч или саблю? Потом сказал:

– Не на Запад идем, с рыцарями в латах сражаться. А против кочевников в кольчужках и сабелька подойдет.

Поэтому был вооружен, как все. А его обоюдоострый полутораручный меч был вдвое тяжелее любой сабли. Вот бы им сейчас вдарить! Но за неимением гербовой пишем на простой.

Пора опробовать копьё. Подскакал к Николаю. Не вступая в лишние объяснения, выдрал рогатину, прикрепленную к седлу, и понесся на новгородского питона. Решил ударить на полном скаку, прямо с коня, и пронестись мимо в случае неудачи. Жеребца можно было бы и оставить, подойти пешком и ткнуть, но смущала мысль, что мощности не хватит.

Я, конечно, включу богатырскую силищу, и минуты мне хватит с лихвой, но добавить ударную мощь боевого шестисоткилограммового жеребца в борьбу с неуязвимым удавом,

считаю не лишним. Вот только Викинг не увертлив, и, если гадина останется жива и в силе, она его ухватит и обоьет смертельными кольцами, махом удушит. Поэтому мимо, быстро мимо!

Пресмыкающийся в очередной раз вскинулся вверх для ловли ребят, поднял верхнюю часть туловища на три метра от земли, открылся, как медведь вставший на дыбы. Длинный позвоночник, периодически раздувающиеся легкие. Внутренности змея я видел не очень отчетливо, способности мои были убавлены, но небольшое сердце, находящееся на полтора метра ниже зловещей головы, было заметно по ритмичным сокращениям. Вот в него и попытаюсь попасть. Сделав кружок по поляне, чтобы разогнать коня до максимальной скорости, я призвал свою скоротечную силищу, Во! -, громко рывкнул парням:

– В стороны! – и нанес таранный удар.

Будь я в обычном состоянии, мою руку, вместе с рогатиной, чешуя змеи просто бы отразила, откинула в сторону. Но тут чугунная прочность удава столкнулась с каменной прочностью мощи богатыря, и вражья защита была пробита! Я почувствовал, как копьё проваливается внутрь страшной твари, и, откинувшись назад, увидел, как оно насаживает на лезвие маленькое сердце. Сердчишко дернулось в последний раз и остановилось. Змея испустила протяжный воющий крик, уронила поднятую часть наземь и издохла. Все! «Ва»...

Не нужно больше красться по местным падам и буеракам, объезжая ареал обитания древнерусской рептилии. Ужас этих мест прекратил свое существование.

Глава 2

Я почувствовал, что вымотан страшно, выпит до дна. Обессиленно сполз с коня, опустился на землю. В ушах звенело, перед глазами роились черные точки. Мне было очень мутно. О том, чтобы сейчас вновь карабкаться в седло, скакать куда-то, и речь можно было не вести.

Странно! Когда я испытывал Силу впервые, и вертелся с кобылой Зорькой на вытянутых вверх руках, ничего похожего не было. Пришла тогда на пару минут легкая слабость, а потом накатил невиданный аппетит, – в общем, как говорят наркоманы-марихуанщики, на хавчик пробило, и все. А ведь нагрузка была куда больше и дольше. Невиданная психоэмоциональная перегрузка? Бывал я и в более злых переделках, обходилось как-то. Так в чем же дело?

– Накрыл тебя змей перед смертью, – раздался негромкий голос Богуслава, – окатил черною волною ухода, дыханием смерти. Сейчас помогу.

Я понял, о чем толкует кудесник. В прежней жизни, подрабатывая в «Скорой помощи», частенько сталкивался со смертью. Вызовы к уже умершим людям не были редкостью, трупов навидался. Они не трогали ничего во мне. Умер и умер, совершенно чужой человек, которому помочь уже невозможно, и Бог с ним, вечная ему память.

Совсем другая история была если кто-то умирал при мне. Это бывало редко. Я бился за драгоценную человеческую жизнь, как лев, с полной самоотдачей. Но если душа больного все-таки покидала тело, меня накрывало тяжелое ощущение, которое длилось потом сутки. И это ощущение было вызвано отнюдь не влиянием на мою психику – я не эмоционален и видал всяческие виды. А это, оказывается, черная волна ухода, дыхание смерти, которое я, видимо, чувствую поострее других людей. Вдобавок змей раз в пять крупнее человека, и, скорее всего, выброс смертельной энергии тоже в несколько раз был больше. Сколько же я теперь болеть буду? До самого Смоленска? Или аж до Киева?

Богуслав подошел вплотную, положил свою ладонь мне на макушку. Ого-го! А дело-то, похоже, серьезное. Обычно волхвы руками даже и не водят – нету нужды, просто стоят и смотрят. И лечат, лечат, лечат... Сам так больных пользовал. А уж на кого-то ладони класть, такого просто не бывает.

Вся наша команда, держа лошадей в поводу, окружила нас кольцом. Боярин роздал краткие команды.

– Тащите валежник. Раскладывайте костерок. Вскипятите воды.

Народ разошелся по окрестностям. Осталась возле нас одна Наина – решила поучиться, видать, молодуха у большого кудесника.

А Богуслав, похоже, начал лечить. По мне пошла живительная волна доброй энергии. Она расходилась от головы

вниз по всем жилам – приливало тепло к кистям рук, сто-пам, все тело покалывало, как иголочками. Потом сила по-шла волнами, раскачивая меня то вперед, то назад. В мозгу чередовались приливы и отливы напряжения. Все это дли-лось примерно час.

Результатом явилось то, что я стал себя чувствовать при-мерно также, как и в прошлый раз после применения Силы – легкая слабость, небольшой озноб и безумный аппетит.

– Получшело? – спросил Богуслав.

Я кивнул.

– Пошли, Володя, горяченького попьешь, да поешь немного.

И мы отправились к костру. Вода в котелке уже кипела. Ужасно захотелось ароматного чайку. Чай в 11 веке не росло не только на Руси и в окрестных странах, его не знали еще даже и в Индии. Блистала замечательным растением с неза-памятных времен только родина чайного куста – страна Ки-тай.

Но мне неожиданно повезло купить чай на новгородском рынке. Случайно заметил чайный лист, когда искал на рынке новые приправы к кушаньям. Русский торговец сидел про-сто на сбыте невиданного растения. Где взял чай добытчик Афанасий (отнюдь не Никитин, я уточнял!) посредник не знал. Видимо, рванул у каких-нибудь кочевников. Я купил его весь. Целый мешок был почти с меня.

Собираясь в путешествие, приторочил мешочек величи-

ной с футбольный мяч, сзади к седлу. Несмотря на изрядный размер, мешок был незначительным по весу. Я не чифирист и не состою в клубе любителей крепкого чая, так что листа для заварки хватить должно бы надолго. Запасец дорожущего сахарку тоже был прихвачен в дорогу – до меда не охотник. Ну, что ж, хлебнем горяченького!

Предложил чаек народу, выслушал вежливые отказы. Все, кроме церковника и Матвея, его уже попробовали, бывая у меня в гостях и пришли к очевидному выводу, что грушевый квас или сбитень гораздо вкуснее. Ушкуйник, после того, как намахался шашкой и надулся после этого воды, ничего пока не желал, а протоиерей настолько усомнился в продукте, привезенном из неведомых земель, что на всякий случай даже перекрестился. Баба с возу, кобыле легче, подумалось мне, уже жующему пеммикан с сухарями и нарезающему соленое сало, после заваривания напитка в своей здоровенной кружке.

С салом я еще в Новгороде как-то усомнился: будет ли оно храниться без холодильника или нет? Другим продуктом я бы пренебрег, но соленое сало обожаю всю жизнь, как хохол. Начал вникать, не испортится ли наше народное достояние в дальней дороге.

Моя жена Забава – видная красавица, натуральная блондинка, высоченная и стройная, богатырка, которая Добрыню Никитича вместе с Алешей Поповичем одной левой себе за пояс заткнет, а правой в это время Илью Муромца побо-

рет, приготавливала совершенно жуткую на вкус еду. Есть это мог только ее первый муж, да и то после приема двух стаканов водки, иначе тоже не лезло. Если бы он просто исчез, мне бы думалось, что супруг убежал от мерзких кушаний, но его зарезали в кабацкой драке. Вдова сама признавала свои кулинарные таланты, винясь передо мной:

– Мать это не ест, братья не желают, я сама эту гадость есть не буду.

Поэтому, как только у нас появились деньги и мы переехали в новый дом, я сразу же переманил к себе из харчевни замечательного шеф-повара Федора, кулинара от бога. Вот он-то и дал мне верный совет – хранить в дороге изрядно просоленное сало в пергаменте. Вдобавок слои сала хорошо еще и пересыпать для верности солью. А так как лежать оно будет не в изрядно протопленной избе, а практически на улице в октябре месяце, где уже изрядно похолодало в сравнении с летом и золотой осенью, дней десять безопасного хранения, примерно, как в кладовке, мне гарантировано. После этих речей Федор, для полной уверенности в продукте, сам же его и посолил.

Я с удовольствием жевал сало, заедая индейской радостью и похрустывая сухариками.

– Ловкий ты в бою, – неожиданно сказал Богуслав, – мы всей ватагой в тупик встали, как эту толстокожую погань убить.

– Владимир во всем ловкий! – подтвердил эту мысль Мат-

вей, которому я в свое время помог вылезти из патовой ситуации, перед которой он сам, предводитель тридцати ушкуйников, и три его друга, тоже атаману ушкуев, встали в тупик – как жениться на дочке богатого купца, невзирая на яростное сопротивление родителей.

– Каркодила махом порубал! – добавил протоиерей.

– А как старший все придумать и организовать горазд! – подключился Ванюшка.

Видя, как уже готовятся к выступлению с хвалебными речами Наина и Олег, я решил это заканчивать. С такими славословиями хорошо досуг проводить, сочетая их с приемом алкогольных напитков, а у нас день в самом начале, и дел выше крыши, умащивать мне дорогу лестью и ненужными похвалами просто некогда.

Я, конечно, дал все деньги на этот поход, остальной народ был не зажиточен, предоставил коней и сторожевую собаку, одел и обул для похода Ивана и Наину, вооружил Ваню – но не время сейчас гордиться заслугами!

– Все это, конечно, очень приятно слышать, – сказал я, – но есть более животрепещущая тема – как мы будем переправляться через реки? Вчера, пока перелезли через какую-то вшивую речушку, вымокли все, как собаки. Да еще перед этим брод два часа искали.

– Я сухая переправилась! – гордо заявила Наина.

– Если бы меня Иван на руках перенес, еще суше тебя бы был, – отмахнулся я от смешной девичьей рисовки. – А

таких рек, речек и речушек у нас впереди еще немало будет. Что делать?

Народ зашумел, предложения посыпались одно за другим.

– Надо лодку купить и ее с собой возить!

– Топорами нужно обзавестись, доехали до речки – хоп! – плот срубили.

– Проводника можно поискать, они все броды знают.

– Нанять селян, они лучше Ваньки перенесут!

– Молиться надо почаще, дети мои. По возможности – посещать церкви!

Все эти ложные выдумки развенчивал по одной Богуслав.

– Лодку эту на тебе от реки к реке таскать будем? Ты плоты до следующего лета рубить собрался? За проводниками тут годами бегать будем, чтобы враг отчаялся и от нас отстал? Селянам все деньги раздадим, а сами на дороге грабить будем? Э-эх, святой отец...

Потом боярин встал и рявкнул:

– А лучше всего речки на метле перелетать!

– Ну это только для Наины... – огорченно заметил Матвей.

Деваха в ответ только фыркнула. Я тоже поднялся.

– В общем, поехали дальше. Может бог даст, кто чего путевого и надумает, дорога впереди длинная.

Леса и перелески, рощи и поляны, овраги и чащобы. И очень мало возделанных полей, дорог, человеческих поселений. Сколько же территории Руси сейчас занято лесом?

90%? 95? 99? 99,99%?

Мы с Богуславом ехали рядом и беседовали о будущем. Иногда он, видя, что я устал говорить без умолку, рассказывал о своих многочисленных боевых походах.

Периодически, чтобы не умаивать коней без нужды, скакивали с лошадей и бежали рядом – они без всадника не только не устают, а еще и отдыхают. Через полчаса запрыгивали назад. Эти трюки, в сочетании с собственной тренировкой, я и Ваня осваивали возле Новгорода при ежедневной утренней выездке лошадей.

Для боярина, пол жизни прослужившего воеводой то Засадного, то Передового полка, то всей княжеской дружины, это на дальних, но спешных переходах, было привычным делом.

Матвей освоил все эти штучки за вчера. Для русского спецназовца, владеющего всеми приемами рукопашного и оружейного боя, это было просто еще одно упражнение среди сотен других. В новость было только то, что в этом участвовал конь, боец привык действовать с ушкуя. Кстати, и вороного коня по кличке Ворон, бывший атаман по прозвищу Смелый, переименовал в Ушкуя. Жеребец отзывался веселым ржанием, и на зов Матвея всегда махом подлетал. Тоже, похоже, повоевал.

Некоторые трудности были у Олега. Конюх над лошадьми прямо трясся, и мысль, что он может заездить красавца Вихря, просто вводила оборотня в панику. Его попытки повто-

рить наши трюки в человеческом обличе не задались – сам чуть не задохся через пять минут бега. А вот в ипостаси волка Олег был неутомим.

Его смущали только две вещи: чтобы перекинуться, надо было обнажиться – одежда очень мешала, а с нами была дама. Этот вопрос решился еще в Новгороде. По моему совету, сама Наина и пошила ему свободные трусы, которые в СССР называли «семейными». В них волкодлак и оборачивался в зверя, и бежал. Трусики совершенно ему не мешали.

А вот когда вервольф узнал, что с нами отправится священник, тут то ему и поплохело.

– Сожгут, однозначно сожгут, – бормотал он мне, глядя в одну точку, – церковь таких вещей не прощает!

– Вас чтобы извести, осина или серебро нужны, успокаивал его я. – Костром тебя не возьмешь.

– Найдут, они все найдут. Прибьют серебряными гвоздями к кресту, всадят в грудь осиновый кол, и сожгут!

– Ты не волнуйся заранее, может еще все обойдется. Я сам с ним поговорю.

– С церковником не столкнешься!

– Попробуем.

Тут оборотня охватила новая идея.

– Ты ему только не говори, что это я! Скажи: есть, мол, в очень-очень дальнем селе, волкодлак. Тихий, мирный, оборачивается раз в год, никого не трогает. Даже курицы не задушит. А если протоиерей закричит: убить немедленно! – не

спорь. Пройдет время, скажешь: убили, дескать, сами селяне.

– Так и сделаю, – согласился я.

На следующий день мы вышли. Целый день Олег берег Вихря, как мог – отставал, когда ехали слишком долго, и, видимо, там перекидывался в зверя. Через полчаса догонял. Потом, правда, мы увязли в поисках переправы, и конь отдохнул от души. Мне на все это глядеть надоело, и я вечером подошел к Николаю.

– Посоветоваться с тобой хочу. Есть человек один, далеко от Новгорода живет. Он внезапно стал оборотнем – в волка перекидывается.

– Кто? – подобрался перед этим расслабленный после еды священник.

– Что кто? – не понял я.

– Кто из наших стал оборотнем?

– Да это далеко, – начал было вилять я.

– Не ври мне! – жестко рявкнул протоиерей, – стал бы ты в таком походе этой ерундой заниматься. Здесь он. Говори.

– Волкодлак боится...

– Пусть ничего не боится. Никуда докладывать не буду. Сам погляжу и оценю – за нас он идет биться, или его нечисть какая к нам поближе подталкивает. Узнаю точно, приму решение. И не спорь! – оборвал меня, начавшего было рот раскрывать, святой отец.

– Вон он, на нас смотрит, – кивнул я на Олега.

– Подожди меня, – скомандовал Николай, и ушел исследовать вервольфа.

Там у них начались задушевные беседы, вроде: а ты не враг нам? Поговорили минуты три, потом Олег вытащил из-за ворота рубахи православный крестик и поцеловал его. Протоиерей перекрестил конюха и вернулся ко мне.

– Наш человек. Ему можно верить.

Так что сегодня Вихрь не умаивался совершенно. Большую часть времени он скакал порожняком, а волк в трусах большими скачками несся рядом. Оборотень в таком виде тоже не уставал.

Наина была мелковата ростом и очень худа – одним словом пигалица. Неутомимая Зарница несла ее так легко, что казалось: без всадника лошадка бежит.

Проблема возникала с Николаем. Протоиерей считал, что каждый – человек или кобыла, должен честно нести крест свой. Положено нести всадника – неси. Господь терпел – и нам велел. Священнослужитель саму идею бега возле лошади не воспринимал.

Был он достаточно широк в кости, повыше меня ростом, да и жирок уже образовался. Спокойная жизнь, достаточное, а если нет поста, очень хорошее питание, незначительная физическая нагрузка ощутило наложили свой отпечаток. Сильно толстым Николай не был, но сразу было видно – достойный, очень достойный пастырь человеческих душ! В общем, против легкокостной Наины, поп весил вдвое. Ко-

гда он с некоторым трудом вскарабкивался на Зорьку, кобыла зримо проседала. Он не в весе пера, она не тяжеловоз. И нести тушу святого отца целый день, в довольно-таки быстром темпе, без остановок и передыхов, моей любимице было явно не вмоготу.

На Викинга, идущего подо мной, пересаживать священнослужителя было просто опасно: буланый конь был молод, игрив. Укороченный черный хвост торчал вверх весело и задорно, жеребец им махал не хуже иного пса. Коняга был очень хорош, на следующий год князь Мстислав планировал взять его под себя, но пока всадник лошади требовался поопытней, чем садящийся раз в год на смирную церковную кобылку Николай – такого жеребец может и скинуть, и лягнуть копытом. Один день обошлось, ехали мало, возились с переправой, а вот дальше...

Довел вчера эту проблему до Богуслава.

– Я ж тебе говорил, от попа одни убытки будут! – этим завершил свою пламенную речь.

– Большой волхв Добрыня велел его взять, – отговорился боярин-дворецкий. – Я не настаивал.

– Надо было для этого церковного здоровяка хоть вторую лошадь взять, на смену Зорьке.

– Увидим – возьмем. А пока есть у меня испытанное средство.

Потом Богуслав поил Зорьку какой-то свежесваренной травкой. Я не фитотерапевт, поэтому вникать даже не стал.

Это боярин любитель всяких аконитов да мелис. Хлебом не корми, дай только этому травнику неведомого любистока кому-нибудь присунуть!

Перед тем, как уснуть, Богуслав заметил, натягивая епанчу на плечо:

– Самая старая из всех наших лошадей эта кобылка. Ты ее где взял-то?

– Да Зорьке всего пять лет! – запротестовал я. – Мне ее князь Давид подарил.

– Лошадка породистая, отличных кровей, но с возрастом тебя обманули. Лет двадцать уже прожила, убегалась. Мы таких обычно отсеиваем, убираем из конюшни, часто дарим кому-нибудь.

Добрый поступок прежнего военного руководителя Новгорода прояснился – заслуженную кобылу просто сбыли с рук. То-то она, в основном, телеги уже только возила...

– А сколько вообще живут лошади? – спросил я бывшего боярина-конюшего.

– Лет 25-30, какие как.

– А Вихрь сколько прожил?

– Он помоложе будет, ему лет десять всего. Такие еще служат, их обычно дружинникам отдают. А лошади есть и долгожители – по 45 лет при хорошем уходе живут.

– И долго ты сможешь поить Зорьку этим своим снадобьем?

– Больше двух дней нежелательно – болеть будет. Искать

надо священнику второго скакуна. Но гнедая масть самая выносливая из всех и самая послушная, болезням подвержена меньше других. Может и три-четыре денька потерпит.

– А почему мне Вихря подарили?

– Да белая масть, это либо вылинявшая серая, либо изначально такая. Светло-серые – они обычные кони, как все. А твой Вихрь, похоже, уродился таким. Эти лошади очень нежные, нервные, болеют часто. Потомство от них редко бывает. Да и жеребята чуть не половина мрут. Мы таких на нашей конюшне и не держим.

– А Зарница?

– Она ахалтекинка. У них этот цвет по породе идет. Они не чисто белые, а с таким слабенько-нежным оттенком цвета топленого молока. Ничем обычно не болеют, выносливы хлеще гнедых, живут очень долго. Родятся только они очень редко. У нас, сколько уж времени ахалтекинцев держим, Зарница только третья. Если бы распространенная порода была, белые самые дорогие были бы.

И Буцефал у Александра Македонского тоже был белый, потому, наверное, и бешено дорог был... – думал я, засыпая.

Вчера кобылка пила настой крайне неохотно – часто фыркала, но пила. Зато сегодня вовсе продемонстрировала триумф народной медицины в коневодстве – легко несла грузного всадника на себе.

Глава 2

Мы ехали не спеша, гонки не было. Я с Викинга решил

часа два не слезать – отдохнуть нужно было после вредоносного змеиного воздействия на мой чуткий к такой гадости организм.

Только что пробежавшийся дядя Слава, как я иной раз называл боярина, который был на целый год меня старше – шутка ли, целых 58 лет, рассказывал о своей прежней службе у отца Мстислава, Владимира Мономаха.

– Ходили мы в позапрошлом году со Святополком, который только-только киевское княжение принял и с братом Владимира Ростиславом на половцев. Побили они нас страшно возле речушки Стугны.

Ничего, подумалось мне, пронизанному знаниями из Википедии, Мстислав через двадцать лет отомстит половцам за утонувшего в Стугне дядю, – вышибет это нахальное племя с Руси, оттеснит за Волгу и Дон. От них русским было больше убытка, чем от неразумных хазар и коварных печенегов. Именно они, через сто с лишним лет, втянут Русскую Землю в самую страшную войну – войну с монголами, закончившуюся татаро-монгольским игом, длившимся чуть не 250 лет. Такого на Руси никогда раньше не было и больше не будет.

Интереснейшая вещь – способности, дарованные Добрыней, спрятаны в какой-то дальний угол, а абсолютная и безотказная память в полной силе. Совершенно расслабившись, слушал и слушал...

– Гляжу – Ростислав в этой реке тонет, Владимир полез его спасать, и уже тоже тонет. Оба в кольчугах, тяжеленные,

какие уж из них пловцы! А я от наседающих половцев отбиваюсь...

– Зашибу!

Из-за толстого дуба выскочил плечистый и высоченный парняга, замахнувшийся дубиной неимоверной величины. Прежде чем я пришел в себя от дремы на ходу, Богуслав ментальным ударом в грудь отбросил нападавшего назад. От неожиданности и силы удара, мордастый юноша шлепнулся на задницу и выпустил из рук свое оружие. Палица со стуком приласкала его по голове.

– Ой! Вы чего деретесь? – почесывая темечко спросил разбойник.

Матвей уже был рядом и прижимал обнаженную саблю к горлу врага. Чутко вслушиваясь в шумы леса, ушкуйник пролаял:

– Сколько? Вас?

– Какие вы злые..., – протянул молодец, – пойду я от вас...

Сзади предупреждающе грозно зарычала прошляпавшая врага Марфа.

– И собака у вас какая здоровенная... Смотрите, я ведь богатырь, на части порву, если бросится!

Матвей спрятал шашку в ножны. Доложил:

– Один, похоже, этот дурачок. Тихо в лесу. Сразу убьем, или разбираться будем?

– Разберемся, – кряхтел я, слезая с седла, – что это за напасть неожиданная на нас навалилась среди бела дня.

Наша ватага уже окружила место событий.

– Нахальный какой-то, – недоумевал Иван, – наглый. Одному, с какой-то деревяшкой, напасть на вооруженный отряд! Смерти что ли ищет?

– Уже почти нашел, – отозвался боярин, легко спрыгивая с коня, – сейчас расспросим и убьем.

– Можно я его голыми руками? – деловито спросил ушкуйник, профессиональный убийца в Древней Руси. – Не разминался давно, отвыкаю.

– Эй, вы чего? – забеспокоился румяный силач, видя, что дело заворачивается не на шутку, – я ж так, попугать только...

– А мы напугались, – жестко ответил боярин. – Я воевода Тайного Приказа Великого Новгорода, и за дела эти тебя и запытаем! Мы шутить не любим! Отвечай быстро, песья кровь, кто послал? Кто научил на Владимира броситься?

Паренек заплакал, поняв, что с нами шутки плохи. О Тайном Приказе ходили пугающие слухи. Конечно, не НКВД и не СС, но все-таки!

– Никакого Владимира и не знаю..., я кушать сильно хочу...

Теперь мой несостоявшийся убийца скорее предпочел бы почувствовать на своем горле стальную хватку Марфы, чем отвечать за свои грехи перед грозной организацией.

Эх, горе ты мое горькое! Я сунул незнайке кусок пеммикана, дал сухарь.

– Владимир – это я. Не бойся, тебя не тронут. Как звать-величать?

– Емелька я, – весело хрустя сухариком представился новый знакомец, – а что за гадость вы тут едите?

Он отвел руку с пеммиканом в сторону.

– Кушай, сын мой, кушай, – поощрил его к действию святой отец, – это еда дальних народов. Она не очень вкусна, но сильно полезна.

После церковного одобрения сомнительного кушанья, Емельян вгрызся в него, как в просфору. Немного насытившись и глотнув воды из бурдюка, парень взялся рассказывать.

– Живем мы с матушкой в трех верстах отсюда в деревне Дубровка. Невелика деревенька, вся на три избы.

– Как у меня при лесопилке, – не утерпел Матвей.

Народ на него зашикал. Успеешь еще наболтаться. Емелья продолжил.

– Вчера пошел с утра в церковь, которая в селе Красный Яр. Село справное, большое, дворов много. Оно от нас далеко стоит, верст двадцать будет. Идти очень долго, поэтому пробежался по холодку. До поселка два часа, в церкви часок. Потом с девками отправился потолковать. Тамошние ребята не мешали, боялись со мной связываться. Торчал с деваками долго. Назад уж к вечеру подался. А Дубровки больше и нету! Спалил кто-то деревню, народ в полон угнали. Трех наших мужиков зарубили – сопротивлялись вид-

но. Собак тоже порубали.

– Это охотники за рабами прошлись, – опять встрял неугомонный ушкуйник.

– Я голодный, как пес. В церковь не евши пошел, натошак, как и положено. В селе никто горбушки хлеба не дал – неурожай у них в этом году. Разбойники прошлись – ничего после себя не оставили! Тут калики перехожие подошли. Спросил у них хоть какой-нибудь еды. Заорали, клюшками замахали и ушли. А мне и идти-то некуда, родня вся в нашей деревеньке жила. Переночевал кое-как. С утра озлился, выстругал дубинку. Вот думаю, сейчас кого-нибудь встречу, напугаю – дадут покушать. А тут вы едете. Вот и попугал – сам еле жив остался.

У меня в голове забрезжила идея. Я, слушая жалостные истории молодого землепашца, уже успел присесть на поваленное дерево – слабость еще чувствовалась.

– А ты в самом деле очень силен?

– Самый сильный в деревне!

– Богатырь на три двора, – съехидничала Наина.

– Я и в селе, когда их парни меня от девок пытались отогнать, десятерых крепышей, как щенят раскидал!

– Это и я раскидаю, – лениво сообщил ушкуйник.

– Сейчас проверим, – сказал я. – Иван, дай-ка его дубину.

Оторвать от земли эту оглоблю, вытесанную, похоже, из бревна, Ване не удалось. Он с трудом приподнял один конец и теперь озирался – куда этакую орясину тащить.

– Ванечка, брось немедленно! Надорвешься! – закричала любящая его женщина, – пусть этот бугай сам ее корячит!

Преданный подчиненный оглянулся на меня – что скажет начальник.

– Бросай, бросай. Наина права, – одобрил я решение чаровницы, – пусть Емеля ухватит, это его вещица.

Иван с большим облегчением избавился от «вещицы». Емельян легко поднял свое изделие правой рукой, подумал, перекинул в левую.

– А теперь чего делать?

А теперь мы, дружок, применим классический богатырский тест, испытаем тебя на прочность.

– Лошадь подними.

– Которую?

Ни сомнений, ни колебаний в голосе. Ощущение, что эта «косая сажень в плечах», зарабатывает переноской лошадей в своей деревухе.

– Вон ту, гнедую бери, – указал я для чистоты эксперимента на Зорьку – уж ее-то вес знаем не понаслышке! – она смиренная.

Емеля бросил дубину, поплевал для верности на ладони, потер их друг об друга, и отправился к кобыле. Он не торопясь подsunул под лошадь руки, легко ее поднял. Зорька аж заржала от неожиданности. Видать, подумала: не, ну это уже у людей входит в привычку! Скоро они все повадятся меня таскать! Ладно бы еще свой кто-нибудь, ну вот хотя бы эта

курчавая девица, – она меленькая, если и уронит, сильно не ушибеешься, а то этот долговязый взялся – брякнет, мало не покажется!

Высоченный, ростом под два метра, богатырь спросил:

– А дальше то чего делать? На плечи ее класть?

Моя душа пела – вот она, наша палочка-выручалочка!

– Ты лошадь держи так же, над головой, и пройди во-о-н до того вяза и назад. Осилишь?

– А то!

И уверенно понес. Вот это по-нашему, по-богатырски! Быстро вернулся.

– А дальше что?

– Потихоньку опусти кобылу на землю – не роняй!

Опустил бережно. Зорька обрадованно отскакала в сторону – кто их знает людей, чего еще у них на уме!

– Пошли поговорим.

Подошел.

– Я так понимаю, идти тебе некуда?

– Хотел в Красный Яр опять податься, да они там сами последнюю репу без соли доедают.

– С нами пойдешь? Нам как раз работник сильный нужен.

– Кормить будете, пойду.

– А ты целый день за лошадыю бежать можешь?

– Легко.

– А с человеком на плече?

– А то.

– Лошадь через реку перетащишь?

– Конечно.

Мне очень нравились его ответы на эти мои вопросы, типа – сделаешь? Легко, а то, конечно. Устроили бы варианты: без вопросов, сделаю обязательно. Другие, вроде таких: не знаю, подумаю, надо посоветоваться – были бы неприемлемы.

– Холодной воды боишься?

– Нет. У меня ни тулупа, ни зипуна, ни епанчи сроду не было. В избе, если натоплено, быть не могу – на сеновал ухожу. И мать такая же. Зимой сварим еды, и дня три печку не топим.

– Да вода это дело другое – промокнут лапти и рубаха с портками, ты и озябнешь, – разъяснил недалекому юноше Богуслав.

– Я на берегу разденусь, а потом, когда на другом буду и обсохну, оденусь.

– С нами девушка! – вмешался Олег.

– Они, девки, любят подглядывать из кустов, как я купаюсь.

Бесстрашный Иван показал здоровенный кулак древнерусскому стриптизеру – расставил, так сказать приоритеты, кто в нашей команде имеет право заманивать Наину прелестями мужской обнаженной натуры, а кто пусть и не рискует. Превосходство обольстителя в физической силе кирпичника не смущало. Хорошо треснуть по уху или от всей души дать в нос можно любому богатырю.

Конфронтации ни с кем из нас погорелец не желал. Нагрубишь с дури, вышибут из команды и отправят в лес поганками питаться.

– Да я что, я ничего..., я как лучше хотел! Буду ее сзади брать, ничего и не увидит!

Судя по пляшущим в глазах колдуньи огонькам, она все увидит! Рассмотрит в подробностях. Эта путешественница своего не упустит...

А нам силач как воздух нужен! Пора наводить порядок.

– Озираться будешь, – посулил я Наине, глаза завяжем! И самой вонючей тряпкой!

На запахи у бывшей киевлянки был бзик. Постоянные вопросы: а чем это тут пахнет, что за вонь тут стоит и обливания иноземными одеколонами, донимали нашу ватагу. Русские мужики не любят, когда за женщиной тянется шлейф сильного благоухания. Все хорошо в меру, в том числе, и использование благовоний.

А то еще многим девушкам кажется, что чем больше положишь на себя косметики, тем «красивше» станешь. Под влиянием этого домысла они и кладут эту химию на лицо в невероятных количествах каждое утро.

Мне припомнился рассказ коллеги, как он ухаживал за обаятельной и приятной, но к сожалению, вечно раскрашенной, как маргышка, и поэтому не блестящей внешним видом девушкой. И как молодой человек был поражен, когда впервые увидел свою будущую жену не размалеванную. Она ока-

залась такой красавицей!

И еще как-то можно понять бесцветных блондинок, не крашенных, а почти явных альбиносок от природы, у которых на лице собственная яркая расцветка отсутствует, брови и ресницы бесцветные, но зачем же замазывать свою внешность русоволосым, каштановым и особенно ярко выраженным брюнеткам? Здесь оттенки, там усиль собственные красочки, дарованные тебе природой, и ты порадуешься своему отражению в зеркале – красота к людям вернулась!

В этом плане Ванюшке повезло – чернявая и смуглявая Наина всеми этими древнерусскими изысками: белилами, румянами и сурьмой не увлекалась, но вот к запахам была слишком неравнодушна.

Поэтому деваха сориентировалась мгновенно – нюхать подобранные мной благовония (с упором именно на вония), ей отнюдь не улыбалось.

– Я зажмурюсь! Сильно-сильно!

Довольный Иван приобнял любимую одной рукой, народ вежливо покивал в знак одобрения. И хотя всем было ясно, что эта дошлая предсказательница, как зажмурится, так и разжмурится, приличия были соблюдены, Ванька остался доволен, новый участник похода поставлен на место. А слишком выраженных борцов за нравственность среди нас, кроме протоиерея, и не было.

Я продолжил.

– Платить тебе буду, кроме кормежки, рубль в месяц. Со-

гласен?

– А за такие деньжищи убивать и пытаться никого не надо? Не люблю я этого...

– Без сопливых и убьем, и запытаем, – успокоил здоровяка ушкуйник. – Ты, главное, через реки нас таскай.

И мы поехали дальше. Емельян деловито бежал рядом. Ни ускоренного дыхания, ни одышки, ни особого румянца не наблюдалось. Наверняка и пульс не был учащен, и артериальное давление держалось в пределах нормы.

У нас из наемников раньше был один Олег – числился у меня конюхом, затем отправился в поход – не смог оставить лошадей. В какой же должности будет числиться Емеля? В связи с тем, что он много времени будет проводить в воде, буду звать его как-нибудь по-новому: грузчик-подводник, лошадиный водолаз? Или блесну художественным слогом: дельфин Земли Новгородской? Богатырь-амфибия походный?

Вспомнилось, что у большинства из нас верхняя одежда – епанчи, хорошенько промазаны для водоотталкивания вареным маслом – олифой. Даже и охабень Наины, который она зовет охабень-похабень (хотела-то ведь дорогущую шубу), Ваня заботливо проолифил. По ходу всплыла в памяти шутка из Интернета, пародирующая известные пушкинские строки: и выходят из воды тридцать три богатыря. С ними дядька Ив Кусто, в прорезиненном пальто. У нас богатырь всего один, зато дядек в проолифленном прикиде набралось

немало.

И мы ехали, ехали, ехали... А кругом буйствовало многоцветье осенних красок. Опавшие и еще цепляющиеся за деревья листья пламенели всевозможными оттенками желтого, красного, оранжевого цветов. Шуршал под копытами лошадей яркий лиственный ковер.

Лесные птицы уже массово улетели в теплые края – отсвистели свиристели, и было тихо без их заливистого пения. По юности меня мучила мысль: зачем они возвращаются? Вылетел куда-нибудь на Средиземное или Черное море, обживайся в чужих краях навсегда, там и теплее, и сытнее. Так нет, рвутся назад с безумной настойчивостью, рискуя жизнью.

А с годами понял, что есть такое святое понятие – Родина. И куда бы ты по каким-то весомым обстоятельствам не выехал, куда бы не забросила тебя злая судьба, всегда рвешься вернуться, вдохнуть запах родной земли. И ты всегда за свою Родину будешь биться насмерть и обижаться на попытки ее опорочить.

Ну ладно мы, русские, народ нетипичный и странный, как считают иностранцы, всю жизнь живущий на одном месте, а евреи?

Умнейшие и хитрейшие люди, которых из-за гонений носит по всему миру тысячами лет, которые легко осваивают любой иностранный язык, всегда первые в науке, медицине, искусстве, почему они насмерть бьются за вновь обретенную родину – Израиль?

Казалось бы, езжай в сытую и благополучную Америку, ваша нация там в силе, соотечественники примут как родного. Приятный климат, изобилие воды, всегда и легко можешь заработать – горя знать не будешь.

А Израиль? Чем славится страна предков, земля обетованная? Жара, сушь, вода бешено дорога, и, главное, длящаяся десятками лет война с арабами, постоянные теракты (в тихой стране лучший в мире спецназ не появится!), постоянно прилетающие от врага ракеты, и попытки вмешательств в твои дела других государств – а зачем это вы столицу перенесли в другой город? Мы вас за это осуждаем!

А евреи стоят насмерть, воюют героически, с трудностями борются, неприятности преодолевают, чужим мнением не дорожат, и живут в Израиле! Почему? А потому что – Родина! И переезжают в Израиль на постоянное место жительства из замечательных США и Франции.

Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!
– как писал незабвенный Александр Сергеевич Грибоедов.

Через час лошади устали, и я попросил Богуслава скомандовать остановку.

– Привал! Слезай с коней! – рявкнул голосом боевой трубы матерый воевода.

Все остановились, прыгнули со скакунов и недоуменно глядели на нас – что еще случилось? Мы с Богуславом нето-

ропливо подошли к все еще сидящему на Зорьке священнику.

– А ты чего Николай ждешь? Команда была подана для всех, – спросил я его.

– Да мне, Володя, слезать-залезать трудновато, грузен я стал в последние годы.

– Это понятно. Но лошадь устала нести твой вес, ей передохнуть требуется.

– Спаситель наш и не такие муки претерпевал, и кобылка перетерпит.

– Христос за все человечество страдал, а за что Зорька муки примет? За твою толстопузость?

– Она животина безответная, ей так положено.

– Она моя любимая животина и просто так я ее заездить не дам! Дальше поедешь на Емельяне. Хочешь, на любом его плече устраивайся, хочешь с могучей шеи ноги свесь. Если взгрустнется, он тебя, как ребенка, на руки возьмет.

– Окстись, сын мой! Я же священнослужитель, мне это не по чину.

– Значит пешком дальше пойдешь.

– Мне можно купить запасную лошадь! Денег я дам.

– Как купишь, так нас и догонишь.

– Ну кто ж так делает!

– Я так делаю. На кону судьба человечества, и из-за твоего гонора ей рисковать не буду.

– Я буду очень полезен!

– Чем же? Бесов гонять? Против нас черные волхвы встали, а против них церковь бессильна – молитвы на этих злых колдунов не действуют. Да вы и не делите – черный, белый, один черт. Ты язык дельфинов понимаешь?

– И не видал их сроду.

– С арабами хорошо сталкиваешься?

– Да с мусульманами разве договоришься!

– То есть вся твоя польза, только в том, чтобы хорошую лошадку, которую мне князь Давид подарил, извести?

Некоторое время Николай растерянно молчал. Потом сполз с Зорьки и обратился за помощью к Богуславу:

– Ты хоть ему скажи свое боярское слово!

Петух подкатил за помощью к опытному волку!

– Володю недавно боярин Твердохлеб сыном признал, а род Мишиничей нашему роду Вельяминовых по знатности ничем не уступает. Да они еще и побогаче будут! Владимир весь этот поход оплачивает, большие деньги вкладывает. И сейчас он здесь воевода, и потому – как решит, так и будет! А кто заспорит – вылетит с треском! В том числе и я. Поэтому ничем тебе помочь не могу. Спроси у ребят – может из этих героев кто рискнет за тебя вступиться?

Протоиерей обвел народ призывным взором. Герои отводили глаза. И-эх, святой ты наш человек! Христа и то предали!

Ошеломленный священник постоял, подумал и подозвал Емельку:

– Делать нечего, сын мой, сажай меня на правое плечо – на тебе теперь поеду.

Конечно, подумалось мне, Николай не боится ни смерти, ни боя с нечистой силой, ни даже споров с вышестоящим начальством, но сама мысль о том, что его могут отставить от Великого Похода, где он может принести пользы больше, чем за всю свою жизнь, полную неустанных молитв, всеобщих бдений, церковных служб из-за его же глупого самомнения, была для святого отца просто невыносимой. И он принял верное решение.

А Зорька получила громадное облегчение, когда с нее слез тяжеленный поп. Она, наверное, скакала и думала: в общем, хозяин, хочешь носи, а хочешь тряси, только сильно не грузи!

Конечно, я никогда бы не выгнал славного протоиерея – извернулся бы как-нибудь до ближайшего села, где купил бы ему запасную лошадь. Можно было пересадить священнослужителя на Вихря, волкодлак в трусах рядом бы потрусил, или почаще делать остановки, в общем, как-то бы решил.

Но у меня без дела бежал и неустанно пожирал наши скудные харчи Емельян, которому я буду платить целый рубль в месяц! А вдруг до самого моря водных преград больше и не будет? Даром буду такие деньжищи на ветер выбрасывать?

И неважно, что в Новгороде Великом я с каждого обратившегося ко мне за лечением боярина, по шестьдесят рублей, самое малое, беру. Ну, плюс незначительные подарки –

ларец с драгоценностями, мешочек золота, в общем всякую мелочь.

Разве нас можно сравнивать? Я – признанный мастер своего дела, сравнимый по получке с участковым терапевтом в районной поликлинике, который, если верить прессе, осыпан золотым дождем заработной платы. Никогда и нигде врачи столько не зарабатывали, как у нас в 20 и 21 веке. В других-то странах они нищенствуют и с голоду пухнут. Не могут всякие Америки да Европы, не говоря уже о Японии, обеспечить своим врачикам достойный уровень жизни. Меньше наших министров получают. Стыд, да и только!

А этот жалкий деревенский богатыришка, ну что бы он имел в 21 веке? Трехкомнатную квартирешку в Москве, звание заслуженного мастера спорта международного класса, чемпиона России, Европы, мира, каких-то Олимпийских Игр? Мизерные деньги в миллионах от России и чуть меньше от региона, плохонькую немецкую машинешку в подарок за Олимпийскую медальку? Контракты на незначительные суммы с рекламщиками? Ну и еще какие-то мелкие подарки от спонсоров-миллиардеров. Скажем, дорогушая квартирка. Словом, деньги небольшие.

Нас нельзя было бы и рядом поставить! Что его зачуханный физкультурный институт против моего блистательного медицинского? Звук пустой! Лучше бы педагогический осилил, у них деньга тоже дурью прет. Поэтому пусть попа носит. Не обломится.

Глава 3

К вечеру вышли на край небольшого селения. Накормили вволю лошадей, наелись от души сами. Я купил здоровенный шмат сырого мяса, порезал его и выдал Марфе. Ей на пеммикане было голодно. Потом попытались купить резервную лошадь – не получилось.

Насыпали в мешки еще отрубей на корм скакунам. Этот продукт вдвое легче и овса, и ячменя, но превосходит их в сытности. Долго одними отрубями кормить нельзя, вредно. В попадающихся деревнях и селах и разнообразим лошадиную диету. Для перевозки Зорькой приготовили пару пудовых мешков с ячменем в дорогу на запас – нести их будет в три раза легче, чем священнослужителя.

Пока возились, начало смеркаться. Разошлись по избам на ночлег. Емельяну было везде жарко, и я его вместе с Марфой пристроил на сеновал караулить лошадей.

Мы с Богуславом завалились на ночь к зажиточной вдовушке. Она тут же выставила здоровенную четверть качественного и ароматного самогона, наложила достойной закуски. Я больше 200 мл крепких алкогольных напитков за одни сутки и не пью, иначе сработает безотказная защита организма от ядов, заботливо поставленная волхвом Добрыней. Вырвет все! Будешь лежать злой, трезвый и голодный. Поэтому я ушел в кровать слегка опьяненный и сытый. Потом и мои собутыльники задули свечу.

И хоть я очень хотел спать, еще долго слушал охи и вздо-

хи на соседней лежанке, изредка перемежающиеся женскими вскриками. Все это шло в аккомпанементе с периодическим рычанием Богуслава и громким скрипом топчана. Затевались они, с небольшими перерывами, раза три.

Крепок еще бывалый воин, ох крепок! Чувствуется боярская кровь. Теперь в выражении – старый конь борозды не испортит, пожилого жеребца можно заменить на пожившего боярина. В обществе плохой экологии и у молодых-то это нечасто встретишь. Виагра не у дел!

Я подобные эффекты в постельных утехах получил только после омоложения на тридцать лет при переносе меня из 21 в 11 век, да и то с горячо любимой женой Забавой. Вволю потосковал о супруге. Как она была бы сейчас здесь уместна возле меня! Слава богу, боярин притушил нашу несусветную тоску друг по другу колдовскими методами, иначе Забава могла бы и не снести разлуки и рвануться беременная за мной.

Или бы я сломался от невыносимой муки жизни без любимой и, забыв о страшной астероидной угрозе, понесся бы скачками назад в Новгород впереди коня. Не на день, не на два, не на неделю уходим – на месяцы. Не мы, так другие группы дойдут. Да и этих стальной Богуслав доведет без явно ненужного попаданца-арбалетчика. Но и оставшегося в моей душе хватало с лихвой.

Теперь как увижу, что боярин на ночь к одинокой бабешке пристраивается, сразу другое место для ночлега буду ис-

коть. Сегодняшние впечатления так обострили мою тягу к Забаве, что охота было немедленно заорать: хватит, натерпелась! Всем спать! Особенно слабым на передок обоего пола. Наконец все успокоились и уснули.

Утром встали чуть свет, позавтракали и отправились запрягать лошадей. Ни о каком похмелье у нас, бояр и речи даже не было.

Я, конечно, купил в запас поллитру замечательного самогона, но для чисто лечебных надобностей – вдруг понадобится обработать чью-то рану. Из Новгорода не взял, понадеялся, что в случае чего затарюсь в дороге – не хотелось везти с собой лишний груз, хватит с меня и инструментов, но увидев, как тут редко встречается человеческое жилье, изменил свое решение. Разбойников-то мы втроем изведем махом. но они могут бросить копьё или всадить в кого-нибудь из нашего отряда стрелу из укрытия.

У Олега, переночевавшего в избе какой-то бобылки, вид был гораздо сомнительнее. Простолюдин, что с него возьмешь. Поинтересовался у Богуслава, не выставить ли конюху перед выходом в дальнюю дорогу грамм сто допинга?

– Это незачем. Сейчас, только выедем за околицу, он в зверя перекинется и станет после этого здоров, как никогда.

Попытались узнать дорогу. Есть близко речушка. Широкая, но перейти ее легко – неглубока, перекаты на каждом шагу. Опасная река – это Пола с массой омутов в двадцати верстах от села. Насчет бродов ничего не знают – не ходят в

ту сторону. Вот тебе и проводники! Простились и выехали по утреннему холодку.

Не успели далеко отъехать, Олег торопливо сбросил одежду. В спешке чуть трусы не потерял! Поддернул их от колен и тут же, даже не дождавшись, когда мы проедем и не прячась в кустах, перекинулся в волкодлака. Уф, полегчало... Волчара был весел.

Раньше, если Марфа подсовывалась к нему в зверином обличье, он неласково рычал, показывал громадные зубищи и весь как-то подбирался. Ну не любитель Олег до общения с собаками даже и в человеческом облике, ох не любитель. А тут бежали рядом, и о чем-то явно беседовали.

У меня способность к пониманию звериных языков была заглушена до лучших времен, у Богуслава просто отсутствовала. Наина с Ваней уехали далеко вперед, и выявить способности колдуньи к пониманию языка животных не представлялось возможным.

Я раньше хорошо улавливал, о чем Зорька беседует с Вихрем и поэтому люблю представлять, что бы она сказала в той или иной ситуации.

Алабаи необщительны и не говорливы. Полежать или потереться боком о любимого хозяина, это завсегда пожалуйста, а вот болтать – уж извините, генетически не приучены. Мы больше душить и рвать.

Теперь она, правда, очень поумнела. Уровень двенадцатилетнего подростка, дарованный собаке Богуславом, силь-

но бы расширил наше с ней общение.

Теперь Марфа усиленно что-то рассказывала волчку. Она ему что-то быстро пролаивала, потом гавкала один раз после паузы. Оборотень один раз взывал. Опять и опять. Слышалось это так: гав, гав, гав... Гав. У-уу. Вроде как жена про что-то толкует мужу, и после каждого предложения спрашивает: понял? Тот отвечает: конечно! Понимали они друг друга отлично.

Это длилось минут пять. Потом вервольф опять стал человеком, быстренько оделся, запрыгнул на коня и подъехал к нам. Я был, как обычно, вместе с дядей Славой. С ним одним было интересно беседовать в нашей команде. Олег торопливо взялся рассказывать ночные новости.

– Как мы все по избам разбрелись, Емеля сразу уснул и захрапел. А храп у него тоже богатырский. Тут к уличной стене сеновала подсунулась молодая парочка. Девушка все боялась, что их услышат, а парень ее успокаивал: собака не лает, храп здоровяка даже через стенку на весь двор разносится, – явно все дрыхнут и ничего не услышат. А здесь ветер не чувствуется – закуток.

Дальше Емелькин храп сильно мешал прослушиванию. Этот заглушающий все звуки шум шел не ровной помехой, а рывками с паузами.

Пошла речь о гостях, то есть о нас. Когда мы переправимся через глубокую реку (название было заглушено), нам надо держать ухо остро. С другой стороны живет народец очень

злых карликов. Девушка спросила: наши приедем не скажут? Нет конечно, ответил парень. Точно? Все на иконе клялись. Да и Петька еще лечится. Потом они стихли, видимо взялись целоваться, затем ушли.

– Да, – протянул боярин-дворецкий, – новая поганка приключилась. И что делать будем? – спросил он робкого меня.

– Немедленно скакать назад в Новгород! У меня есть самая нужная вещь!

– И что же это такое? – клюнул на мою незатейливую приманку бывший воевода.

А чего же не клюнуть, все в наличии: огонь в глазах, решительный голос, всем телом подался вперед, бери и пиши картину: Вперед (назад) на врага! Одухотворенность полная.

Теперь надо оживить и собеседника. Сценарий был неоднократно на моих ушах отработан в пионерских лагерях, куда меня упорно пыталась сбить на лето мать. Как только пионервожатый гасит свет и уходит, кто-нибудь предлагает рассказать страшную историю. Народ соглашается. И начинается: в черном, черном городе... Жуть нагоняется не торопясь, с оттяжкой. И в конце рассказчик орет какую-нибудь глупость. Эффект у деток был потрясающий.

У меня с Богуславом пришла пора оттяжки.

– На той улице, где в Великом Новгороде стоит мой дом, – неторопливо начал я, – всегда сухо. Даже в очень дождливую погоду. Поэтому, захожу в свой двор всегда с сухими ногами.

Знатный пока терпел. Продолжим!

– Двор у меня, сам знаешь, большой, места много...

Слушатель явно стал нервничать.

– Да где вещь-то? – зарычал он.

Это вам не боязливый пионер. И прибить может. Пора заканчивать.

– Нужно пройти в дом, найти маленький чуланчик, забраться в него...

– Да не тяни!

– Обняться и бояться карликов! – гаркнул я.

– Тьфу! – плюнул Богуслав, – нашелся мастер розыгрыша!

Я-то, конечно, не бог весть какой мастер. А ты у нас по этому делу просто гроссмейстер! – подумалось мне. Как запугал почти всю нашу ватагу, сидевшего у меня на кухне, вещая голосом самого Сатаны из коридора! И это только одна из его многочисленных шуточек.

Боярин отплевался (хорошо, что не в меня!) и сказал:

– Ты по делу давай. Обойдем или прорываться будем?

– Как нож сквозь масло пройдем!

– А драться начнут?

– Поубиваем!

– А если этих маленьких очень много?

– Очень много маленьких я еще ни разу не убивал, – мечтательно сообщил недавно подъехавший к нам Матвей.

– Еще один зверюга нашелся! – всплеснул руками боярин. – Ну ладно мы трое, все в кольчугах, и то ноги и лица незащищены. А остальные как же? У них-то ничего нету!

А эти мелкие, похоже, лесные. Не силой явно берут, а количеством и внезапностью. Выстрелят разом из сотни луков, метнут пятьдесят сулиц, которые еще дротиками называют, сразу из-за деревьев, и нету с нами больше священника, колдуньи, оборотня, богатыря, кирпичника. А кто их унес? Злая судьба? Нет. Дурость атамана. Потом я карликов всех махом поубиваю. А вашей совести станет от этого легче!?

Мы с ушкуйником пристыженно молчали.

– Спрашиваю еще раз у вас, убийц: что будем делать?

Мы подумали. Первым надумал самый молодой из ушкуйных атаманов Матвей. За его скорость в принятии решений, ему нужно было бы дать прозвище Быстрый, а не Смелый, как его называли ушкуйники.

– Обойти этих мелких гнид.

– Ты знаешь каким путем идти? Где их владения заканчиваются?

– Повернем на Русу. Этот городишко точно наш.

– Это еще день пути. Переправа через большую реку Ловать. Обойдем вражеские земли – надо будет вернуться назад. Еще день, еще неведомая переправа. Самое меньшее – двое суток вылетит. Увязем на реке – трое.

Я перед тем, как нам ехать, посоветовался с проводниками. Все толкуют – надо Полу поужней обходить, тогда мы на эти две здоровенные реки и не попадем. Посмотрим, куда сегодня выйдем, и что местные Полой зовут. Если река, как ей и положено, на запад уходит, обходим ее слева, и от всех

карликов мы в стороне. А если нет, речка какая-то другая, будем думать.

На том и порешили. Поехали дальше.

– А что, карт еще никаких нет? – спросил я у Богуслава, когда мы вновь остались вдвоем.

– Только у тех, кто по морю плавает. И почти все – иностранной работы. Свои у нас иногда поморы делают. А компаса я вообще никогда не видел. Может он врет, уводит нас в сторону?

– Это вряд ли.

Объяснил про магнитное поле Земли.

– Интересно, – оценил дядя Слава. – И понять это нелегко, глазом ведь ничего не увидишь.

– Это верно.

Компас я сделал простейшим методом. Ему меня научил физик в школе. Он был очень молодым, рыжим и нервным. Очень любил колотить по моей парте указкой и кричать:

– Какой ты идиот! Разве тебя можно чему-то выучить!

Мне в этот момент неизменно вспоминалась дразнилка про убийство дедушки лопатой. И в это верилось! Опасался я в этот момент только неожиданного изменения концовки на гораздо худший вариант: убил школьника указкой. Но как сделать самый простой компас, физик меня все-таки выучил.

Две главные трудности при изготовлении такого прибора – первое: намагнитить один конец стрелки, и второе: обеспечить ее свободное вращение.

Это в 20 и 21 веке магниты на каждом шагу даже дома. В дверцах шкафов магнетики не дают дверкам раскрыться, в аудиоколонках, обеспечивают звук, жена и дети прилепливают на холодильник всяческие картинки – магнить компасную стрелку сколько влезет.

А в Новгороде 11 века жизнь какая-то немагнитная. До Курской магнитной аномалии копать минимум 200 метров грунта – не осилишь лопатой зарыться на глубину 60-этажного дома – экскаватор нужен. Используют кузнецы на Руси болотное железо – другого нету. Но эта болотяга совершенно немагнитна от природы.

От чего тут плясать, понятия не имею. Подошел к шуринам. Братья-кузнецы неустанно ковали рессоры для моих экипажей. И Андрей, и Вася, после приветствий и объятий, в один голос сказали, что кусок железа с такими странными свойствами может быть только у Онцифера.

Я опечалился. С этим мастером по тонкой кузнечной и токарно-слесарной работе уже имел дело. Мне понадобилось фирменное клеймо для моих карет. Стали появляться похожие подделки.

По сути, их отличала только одна деталь: мои делались для смягчения тряски от неласковых русских дорог на рессорах, являющихся сейчас техническим прорывом и секретом фирмы, таким ноу-хау 11 века, а фальсификаторы использовали недолговечные ремни. Может быть на этакой подпруге амортизировало и меньше, не знаю, зря говорить не буду.

Но уж очень быстро эта дрянная дешевка разрывалась. А так как чужой брак волокли ко мне, и с меня же пытались взыскать суммы за убыток, надо было начинать отделять зерна от плевел.

По совету опытного Богуслава решил клеймить изготовленные моими мастерами фаэтоны. Посоветовали обратиться к Онциферу для изготовления клише.

Во время заказа у кузнеца решили, что и тут может пойти фальшивка. Поэтому ввели незаметный простым взглядом штрих – малюсенькую буковку «В» на ножке большой буквы «М». Для человека с обычным зрением она казалась мелкой царапинкой. А нужно было, чтобы мои приказчики уверенно отличали поддельный оттиск от нашего и могли доказать это обманутому владельцу левого шарабана.

Чтобы приблизить зрение обычного человека к невиданному зрению орла Онцифера, пришлось изготовить лупу. И тут я обмишурился – показал кузнецу через линзу маленькие риски между цифрами на часах. А когда умелец понял, что они показывают время, и сделаны просто из железа без всякого колдовства, и он, если посмотрит, как изготовлен хитрый механизм, сможет его повторить – вот тут и началось!

Сначала Онцифер попросил посмотреть устройство замысловатой вещицы. Для меня часы очень важная и необходимая вещь – ношу их разные модели уже более сорока лет. Не умею, не зная времени, планировать и осуществлять дела, чувствую себя дискомфортно. То, что житель 11 века

без умения часовщика и нужного инструмента сломает их махом, для меня было очевидно.

Восстановить их сейчас, в век солнечных, песочных, водных измерителей времени, было явно нереально. Даже неточные огневые появятся только в 13 веке. До изготовления громадных башенных часов пройдет двести с лишним лет. Так и будешь гонять по Новгороду со здоровенной клепсидрой в кармане. Поэтому работнику огня и железа было отказано.

И пошло-поехало! Он просил, умолял, предлагал деньги (был даже неплохой шанс стать совладельцем его кузницы!), пытался отнять – бесполезно.

Когда Онцифер понял, что заветная мечта рухнула от грубого вмешательства невежественного боярина-каретника, то присел и зарыдал. Финита ля комедия!

Рассчитываться за клеймо пришлось с подмастерьем. Вряд ли мастер будет мне в этот раз сильно рад...

Но деваться было некуда, компас был нужен позарез. Летом или ясной холодной зимой встал утречком, полюбовался восходом солнца, все в головушке и прояснилось – восток найден. Повернулся к нему лицом – по левую руку запад. Поскакали!

А сейчас середина осени. Солнца, бывает, и по три дня из-за туч не видно. Или выйдет днем, в ненужное для ориентации на местности время. Поэтому и по звездам не изловчишься.

Разнообразные описания народных примет обычно начинались одинаково: возьмите в руки компас... Видимо, это и была самая верная примета. Остальные были довольно-таки недостоверны.

Несколько раз сам проверял. Сколько я ни пробовал вглядываться с какой стороны дерева мох растет, ни разу севера не нашел. То он на разных деревьях по-разному растет. То ни с какой стороны вообще не вырос. Иной раз кругом все им затянуто. В общем никакого порядка с этой мохнатостью нету.

Остальные приметы были еще замысловатей и недостоверней. В какую сторону поворачивается бабочка – там и солнце. Ну где я вам поутру отыщу бабочку в глухом лесу? Как усажу ее на плоскую горизонтальную поверхность? Все деревья растут вверх, вбок редко. Найти пень? Как свести их с бабочкой вместе, задача не моего уровня, тут энтомолог, специализирующийся именно на бабочках, нужен. Спец по тараканам или жучкам-паучкам тоже может обмишуриться.

Глядеть как построен муравейник, случайно найденный в лесу обязательно в то время, когда я затеял ориентироваться на местности? В общем, нашей ватаге без двух узкоспециализированных энтомологов в чащобе ловить нечего.

Поэтому заблудившийся в лесу человек в пасмурную погоду сам не выберется. И на рыцарский опыт полагаться было нельзя. У нас сейчас не густонаселенная Европа, где вечно кто-нибудь подсунется и покажет дорогу очередному Ай-

венго.

Народ селится так, что колос от колоса не слышать и голоса. Нааукаешься вволю. Неделю можешь бродить – человеческого жилья и не встретится. Зайцев увидишь, их полно, а вот с людьми в дремучих лесах туго.

В общем, вывод один – нам компас позарез нужен! Некогда нашей ватаге тут белок по перелескам гонять – мы торопимся. Я вздохнул. В голове зазвучали пушкинские строки:

Делать нечего, бояре,

Мы подвластны государю...

И боярин Владимир Мишинич поплелся к нужному человеку. По пути были куплены две металлические иголки, льняные нитки, небольшая деревянная миска, собраны у плотников несколько липовых отрезков и обрезков.

Онцифер в кузнице махал молотом, стоял изрядный грохот. Может, уже остыл после нашей последней встречи, и обсыплет меня сейчас магнитными дарами?

– Нищим не подаю! – рявкнул в мою сторону кузнец.

Н-да. Или вместо даров без всякой ненужной рисовки треснет какой-нибудь тяжелой железякой, специально предназначенной для борьбы со свежеиспеченными боярами, по хребтине?

Попробуем воздействовать хитростью. Вы просите песен? Для вас я найду!

Чувствуя себя Лисой Патрикеевной, начал негромко говорить на ужино-гадючем диалекте, не существующим в при-

роде.

– Ш-ш-ш, ф-ф, щ-щ-щ.

Потом просто спросил по-ненашенски:

– Тан, па бу, вемя стенг?

Кузнец заинтересовался, перестал шуметь. Поглядел на подручного. Тот пожал плечами – тоже не понял. Мысли, что боярин отвлечется от своего главного в этой жизни занятия – обирать народ и придет в кузницу, чтобы нести какую-то чушь, оба не допускали.

– Чего ты там бубнишь? Христарадничать опять пришел?

Желание унижить и обидеть собеседника так и било через край.

Я вздохнул. Тоже охота ответить чем-то вроде: ты только опять не плачь, как девчонка! Но без магнита – как без рук. Работаем дальше на его любопытстве, которое даже кошку сгубило.

– Ну если и у тебя нету, пойду искать дальше.

Сказал громко и внятно, повернулся лицом к выходу.

– Чего это у меня нету? У меня все есть!

– Да откуда у вас здесь в Новгороде такая штука может быть? Вот в Киеве может и найдется...

К любопытству тут же добавилось местничество и проснулась профессиональная гордость. Проснулась и закричала зычным голосом:

– Да мы этих киевских ковалей, не глядя за пояс заткнем! Я саблю какую хошь скую – хоть из дамасской, хоть из бу-

латной стали. Черта прямо в ступе выкую! Ни в чем оплошки не сделаю, клиента не подведу. Ни один мой замок ворье отомкнуть не смогло! Ничего из сделанного мной, раньше, чем через десять лет, не ломается.

Срок годности изделий мастера золотые руки меня впечатлил. Хотя, еще тогда, когда взял в руки изготовленное им клеймо, подумал: крепко сделано, качественно. Имеет шанс и до 21 века дотянуть.

– Мне магнит нужен, в любом виде куплю. У тебя есть?

– Может и есть, да не про твою честь, – ответила горькая обида голосом несостоявшегося часовщика. – А тебе зачем? Девочек на посиделках веселить или так, побахвалиться перед знакомыми боярами?

– Мне нужно в походе к Смоленску стороны света узнать, чтобы не сбиться с пути.

– А железка тебе чем может помочь?

– Магнит всегда на север показывает.

– У меня уже год лежит – ничего не показывает. Хочешь поверну или переложу – ничего не изменится. Это тебя обманул кто-то.

– Давай поспорим? – предложил я.

Онцифер загорелся от близости такой манящей прибыли. В своей победе он был уверен. Как и я в своей.

– Давай! А на что? – решил уточнить кузнец.

А то сейчас ввяжешься за ломаный грош в глупую историю, а работа стоит.

– Ты сколько зарабатываешь в месяц? – теперь стал уточнять я, решив сделать молотобойцу предложение, от которого он просто не сможет отказаться. Гулять так гулять!

– Да это когда как...

– Самое большее за последние три месяца.

– Четырнадцать рублей – протянул коваль, – больше не было.

– Вот я со своей стороны столько и поставлю.

– У меня таких денег с собой нет!

– И не надо. Если ты вдруг ошибешься, отдашь кусок магнита. Можно меньшую его часть.

– Да я за весь магнитный железняк рубль отдал! Чего ж я тебя, дурить буду?

– Ты железом не торгуешь, я не покупаю. Мы спорим. Из двух спорящих, как в народе говорят, один дурак – не знает, а спорит, другой подлец – знает и спорит. Давай я сегодня в дураках останусь, а ты изрядно денег заработаешь – как за месяц огребешь!

– Да ты откажешься, когда проиграешь, скажешь, что пошутил.

– У тебя подмастерье человек верный?

– Давно вместе, не продаст. А что?

– Он сколько самое большее за месяц денег имеет?

– Рублей пять. Точно, Федосий?

– Пять с половиной, – уточнил подсобник.

– Будешь судьей в нашем споре? – спросил я. – Мы тебе

заклады отдаем, и я, один я, плачу сразу шесть рублей. Тебя не будет волновать, кто выиграл, кто проиграл – твоя монета уже в твоём кошельке.

– А если вы заспорите, кто прав, а кто нет? – спросил Федосий.

– Чтобы лишних и ненужных споров не было, решим прямо сейчас, на что будем глядеть. Я толкую, что намагниченная легкая вещь, если она сможет легко вращаться, всегда будет указывать на север.

– Ты толковал про все стороны света! – возмутился Онцифер.

– Зная где север, остальные определить легко.

– Это, пожалуй, да, – согласился умелец. – Но ты, может, фокус какой-нибудь знаешь?

– А чтобы понимать было легче, я изготовлю все прямо при вас. Из рукавов вынимать ничего не буду, прятаться за занавесками не стану. Здесь жарко, разденусь до пояса, как и вы. Сделаю все сам, или объясню, а вы делайте. Можем сделать сразу два компаса – один я, другой вы. И испытывать их будем вместе. Онцифер их пусть и испытывает, я вообще отойду в сторону. Если обе стрелки покажут в одну сторону, я забираю назад свои деньги, свой выигрыш – часть магнита и ухожу. Знаете, где тут север?

– Да. Да! – ответили оба.

– Если стрелки глядят в разные стороны, или не на север, я ничего не беру и ухожу.

Видя, что они колеблются, доверил окончательное решение хозяевам.

– Сейчас выйду, проветрюсь. Как решите, позовете – сказал я. – Если спорим – сразу отдаю Федосию двадцать рублей.

И вышел из кузницы.

Не продал бы уязвленный событиями прошлого Онцифер мне ничего. А в спорах рождается истина! Уж очень мне был нужен магнитный железняк! Намагниченная иголка размагнитится от тряски быстро – через день-другой. Никуда доехать не успею. Как раз в глухом лесу и подведет. Надо ее будет намагничивать. А чем? А именно железняком. Его кусок уступать целому по силе не будет. Хочешь жить – умей вертеться! Не получается купить – выиграй, отспорь.

Минуты через три меня пригласили назад, и пари стартовало. Решение авторитетного жюри было следующее:

– Ты делаешь свой компас и следишь, как Онцифер это повторяет. Я гляжу за тобой, как бы не словчил чего. Все могу взять в руки и пощупать, спросить все, что понадобится. По твоей команде Онцифер пытается найти север, ты держишься на сажень в стороне. Потом втроем глядим, вы каждый высказываете свое мнение. Можете поспорить, пообсуждать. Затем я оглашаю свое решение. И все! Дальше, чтобы никаких раздоров и дразг не было. Выигравший получает все.

Я тут же отсыпал денег, Онцифер отколол от куска маг-

нитного железняка, привезенного с Урала, половинку, размером с кулак взрослого человека, Федосий достал еще одну деревянную миску, и работа закипела.

Разделся до пояса. Иголки прижали на минутку к магниту. Я их изначально взял две. Железная намагнитится легко, а разные виды стали похуже и подольше. А на рынке их было не отличить. Поэтому взял у двух разных купцов – с какой-нибудь, да угадаю. После намагничивания проверил, обе к немагнитной железке липли отлично.

Занялись плотиками для иголок. Нужно было добиться легкого вращения допотопных стрелок в сторону севера, а для этого опустить иголку в воду. Для того, чтобы они легко вращались в воздухе, требовались насадки на ось, для которых шли более сложные технические решения.

Чтобы игла не тонула, ее нужно было положить на что-то плавучее – в школе 20 века брали для этой цели кусочек пенопласта. Выстругали две тонкие и легкие осиновые подложки, привязали к ним иголки. Налили в миски воду, опустили в нее изделия. Старт! Начались испытания.

Я отошел. Больше всего боялся – не осият игопочки крутить деревяшки, слабоваты окажутся. Но когда увидел, как Онцифер на пару с Федосием пытаются сбить работу двух первых русских компасов – крутят тарелки, переносят их с места на место, понял – получилось! Подошел. Концы иголок упрямо и одинаково показывали север.

На прощание Онцифер поинтересовался, все ли компасы

такие, или есть варианты половчей? Рассказал о привычном изделии.

– Я сделаю! – стал горячиться умелец, – махом сделаю, знаю как!

– Сделаешь быстро и качественно, тут же куплю. Мы через пять дней уходим, а потом мне эта штука ни к чему.

– Четырнадцать рублей дашь?

Кузнец, видимо, привык уже считать эту сумму своей и видел возможности ее удачного вложения, но не знал, что через сотни лет историки напишут: «Компас в Европе появился в 12 веке...». В общем, флаг тебе в руки!

– Конечно дам. Андрей и Василий знают где я живу.

А через три дня Вася привел ко мне Онцифера с привычным вариантом компаса – стрелкой, насаженной на шпильку. Придется добавлять в монографии: «..., а на Руси с конца 11 века»!

Глава 4

Вскоре легко, даже не слезая с лошадей, переправились через маленькую речушку – перекаты не подвели. Емеля аж поленился снимать лапти, авось не промокнут, и с привычной легкостью перенес протоиерея с берега на берег.

Скоро доедем до широкой Полы, позевывая после трудной ночи, думал я, объедем ее слева, и карлики останутся за бортом. Да и что это за мифические существа?

Это Европу они изрыли кругом, везде проложили многокилометровые подземные тоннели, которые обнаружили

только в 21 веке, а у нас вроде в этом плане тихо. Или я опять чего-то не знаю?

Есть воспоминания о маленьких чучхе, они же чудь бело-глазая, которые живут внутри Уральских гор, записанные со слов очевидцев в конце 19 – начале 20 веков. Правда, писал об этом Павел Петрович Бажов, автор «Малахитовой шкатулки», а судя по этой знаменитой книге на Урале не протолкнуться от всяких мифических существ – бродит хозяйка Медной горы, бороздит Великий Полоз, весело скачет Серебряное Копытце.

Никаких официальных подтверждений существования маленького народа, найденных тоннелей нет. Кроме промелькнувших в прессе 90-х годов сообщений о кыштымском карлике, откопанном из-под земли психически ненормальной старушкой, – ничего.

И история донельзя странная! Несколько человек видели найденыша живым. Потом он умер. После изъятия сотрудником милиции трупа существа были сделаны фотографии и видеосъемка, его осматривали судмедэксперт, патологоанатом и гинеколог. Вывод однозначный – это не человек. Потом приезжают уфологи и увозят останки с собой. Трупик, длиной 25 см, исчезает. Как, когда, и при каких обстоятельствах, нет никаких данных.

История получает огласку. Ей начинает заниматься японская телекомпания «TV Asahi», и предлагает 200000 долларов за труп «пришельца». В те годы за такую сумму можно

было купить Царь-Пушку с Царь-Колоколом в придачу.

Никто, в нашей нищей тогда стране, не заинтересовывается. Убить за тысячу баксов – это пожалуйста, быки в бандитских бригадах скучают без дела, а найти маленький трупик, желающих почему-то не нашлось. Сумасшедшую старушку, перед встречей с японскими репортерами, неожиданно сбивают аж две машины. В общем, концов не сыщешь. Между прочим, Челябинская область, где находится Кыштым, это ведь Южный Урал.

А здесь, возле Новгорода, местность совершенно не гористая, кругом леса да болота. Чего тут накопаешь? Сложи вместе три пальца, в фигуру под названием кукиш, и получишь исчерпывающую информацию о сокровищах здешних недр. Пески, глина да торф – этого копай сколько влезет. Приличному рудознатцу тут делать нечего. Ничего интересного за последнюю тысячу лет не обнаружили.

Так что, скорее всего, местные лесные люди просто невысоки ростом – такие новгородские пигмеи. Те по тропическому лесу лазят, на слонов охотятся, эти по нашей северной дубраве кабана валят. Но лучше, конечно, обойти...

До Пола ехали еще часа три. Дважды наталкивались на болота, приходилось объезжать. Раз въехали в такую глухую чащобу, что еле из нее выбрались. Наконец под копытами лошадей появилась более или менее свободная дорога.

Олег рассказывал Богуславу о крахе своей семейной жизни.

– Женка моя, Агриппиной звать, ошалела последнее время окончательно – не может со мной жить, и все тут! Уж так и эдак бился с ней – бесполезно. Замучался объяснять, что опасности от меня больше никакой нет даже и в полнолуние. В кровать с собой вместе не допускает, не хочу, говорит, уродов да выродков рожать. Давно бы ушла, но без моих денег с оравой деток не прокормишься. Детишек науськала, те по углам от меня прячутся, боятся, плачут.

– Дети малые, что ли? Ты уж, вроде, мужик-то в годах.

– Тридцать семь лет недавно стукнуло. Агриппина моя вторая жена. Первая в родах умерла. Помаялся один, да и женился второй раз на бесприданнице. Семь лет прожили, дети еще маленькие, чего они там понимают! Сказал Титу, чтобы половину моей получки получал у Забавы, да этой дурище на деток отдавал, и ушел с вами в поход.

– Как говорил умнейший человек Горазд Сосипатрыч, никогда не доверяйся бабам, обязательно обманут, – задумчиво сказал Богуслав. – Верить можно только друзьям, показавшим себя в деле. Пустой болтовне и обещаниям женщин веры никакой не давай.

– А кто этот Горазд?

– Мой отец, царство ему небесное.

Мы все трое дружно перекрестились. Да будет земля пухом достойному человеку!

А сколько мы уж вместе крутимся, я и не знал, что боярин Гораздович – никто его при мне так не называл.

– Тебе теперь поумней женщину надо поискать.

– Ну их всех к шуту! – энергично отмахнулся Олег, – один теперь проживу.

Да, нам теперь не до нежных чувств, вернемся ли из похода, неведомо.

Замелькала в промежутках между деревьями река. Пола была, конечно, поуже Волхова, но тоже внушала уважение – с наскоку не перескочишь. Впрочем, наши планы были иными, и мы повернули лошадей на юг.

Ехали минут тридцать, река направление не меняла.

– В наши расчеты, похоже, закралась какая-то ошибка, – заметил я, – либо это вовсе и не Пола, и нас несет невесть куда.

– Да и я об этом же думаю! – рявкнул Богуслав, – Пола в Ильмень-озеро должна впадать, а мы его давно сзади оставили – на востоке. А эту речушку упорно течение на север тащит. Мы –то по ней на юг скачем, вроде бы и неплохо, да вдруг все-таки врет компас, и мы премся черте-куда? А солнца второй день нету.

– Бывает и компасы врут, – согласился я, – вдруг по какой магнитной аномалии идем, бывает такое и без всякой железной руды под ногами.

Неожиданно кони встали – перед нами появилось существо ростиком с полметра, одетое в темно-серый плащ с капюшоном, полностью скрывающим лицо, зазвучал негромкий голос со странными модуляциями. Тональности сменя-

ли друг друга так быстро, что нельзя было понять, кто это говорит – мужчина или женщина, взрослый или ребенок.

– Нужно поговорить. Мне вреден солнечный свет, зайдите к нам. Собака проводит, – и явление исчезло.

– Эт-то еще что за хрень! – зарычал боярин, – откуда взялось?

– Дык и солнца-то нету, тучи кругом, чего бояться? – ошарашенно спросил Олег.

– Дык, дык, дать в кадык! – продолжил Гораздович в привычной для себя манере общения, – что за гадость еще навязалась?! И куда это к ней переться, на дерево что ли лезть?

Я последовательно ответил на вопросы.

– Солнечный свет ослабляется, проходя через тучи, делается, конечно, гораздо слабее, но все-таки действует, совсем не исчезает. Странное существо, по-видимому, гном, или, как говорят на Руси Великой, карлик. На них солнце действует губительно, поэтому эти существа и селятся под землей. А сейчас нас, похоже, приглашают посетить подземелье, по деревьям лазать незачем.

– Ни в жизнь не поползу в их поганую дыру! – зароптал боярин, – с детства всяких погребов да пещер боюсь! Рухнет потолок, прихлопнет, как муху!

– А я до поросячьего визга высоты боюсь, и что? Если очень надо, скомандуешь себе, и карабкаешься куда приказано! А выбора у нас нет – он, как колдун, мощнее нас обоих.

– Это еще поглядеть надо! – не поверил Богуслав.

– А ты проверь – лошадок с места стронь.

Пока этот знатный и опытный лошажник проверял свои навыки, я тоже попытал счастья в понукании коня: подергал вперед поводья, одновременно дергая вперед тазом и поясницей, давал шенкеля, изрядно нажимая жеребцу на бока – все было бесполезно. Обычно веселый Викинг понуро перетапывался на месте, шумно фыркал, вздыхал и не трогался с места. Часто поворачивал ко мне свою красивую ахалтекинскую голову и тихонько ржал, как бы говоря:

– Эх, хозяин, я бы рад, да что-то ноги не идут... Уж извини...

Его укороченный черный хвост, которым он обычно гордо размахивал, молодецки задирая его вверх, обессиленно висел.

Я спрыгнул с седла, попытался повести коня за собой в поводу – не пошел. Мое поражение было полным. Ладно, хватит коника нервировать. Подошел, обнял боевого товарища за шею, и негромко ему сказал:

– Не горюй, браток, всяко бывает. Иногда приходится и уступать. В другой раз верх возьмем. Главное, ты не трус, в бою громадного змея не испугался. А против колдовства ничего поделать нельзя.

Викинг весело заржал, хвост взметнулся вверх, как знамя. Будет и на нашей улице праздник!

А у Богуслава кипел прямо бой какой-то! Он, уже тоже спешившись, пытался тащить коня за повод, орал на него

нечеловеческим голосом:

– Н-но! Иди, волчья ты сыть! Воронья пожива! Я тебя, травяной мешок, собакам на корм порублю! – и хлестал при этом бедолагу плетью.

Несчастный Боец дико ржал, задирая голову, вставал на дыбы, пытаясь вырваться из узды и унести прочь, опережая ветер, но колдовские оковы держали его крепко.

А боярин в гневе был страшен, и свирепел все больше и больше.

С этим древнерусским озверением пора было кончать, не люблю, когда мучают животных. Хотелось крикнуть:

– Перестань! Сломаешь силу духа коня! Боевые этого не терпят! – или жалостно: – ему же больно! – но слова тут не помогут, действовать надо иначе.

Я зашел сзади злюки-всадника, подал себе команду, будящую во мне богатыря, – Во! – и обхватил Богуслава, сжимая кольцо крепких рук с силой громадного удава. Не ждущий нападения со спины, и не готовый к внезапному нападению силы такой мощности, Гораздыч аж захрипел. Я немедленно ослабил стальную хватку, дал раздышаться умнице-боярину, который сам же потом и будет жалеть верного друга и соратника, своего коня.

Ва! Излишняя сейчас для меня и оставшаяся практически не востребованной сила, впитывалась в неведомые пока человечеству хранилища внутренних резервов организма. А в своем обычном состоянии, я здоровяка боярина и двух се-

кунд бы не удержал. Отшвырнул бы он меня, как котенка, и продолжил зверства над безвинной животиной.

Богуслав потихоньку возвращался к своему обычному состоянию психики, усиленно и торопливо дыша.

– Да, ну и мощь я тебе в подарок выдал, – раздышался наконец боярин. – А с чего это меня так злоба накрыла?

– Вас, знатных, не поймешь, не угадаешь. Может, у Вельяминовых так принято, засечь коня перед обедом?

– А у вас, Мишиничей, одни шуточки на уме! Дело то серьезное. Видимо, гном так подействовал, от врага он подослан.

– Проще ему было бы с конями и Марфой не возиться, а просто нам с тобой сердца остановить. По-моему, он бы справился.

– Хм. Может быть, – задумчиво протянул Богуслав, – очень силен.

Марфушка, благополучно переждавшая разборки с конями в сторонке (большого ума девушка!), подошла, села, и глядя мне в глаза, пролаяла:

– Гав гав, гав гав.

Толмач в моем мозгу услужливо перевел:

– Пора идти, карлик ждет.

Да, с ее высотой в холке, гном показался мелковат.

Постой-ка, у меня же все способности кроме памяти были блокированы! Со мной кто-то очень мощный тоже поработал – снял прячущее и закрывающее волхвовские возмож-

ности заклинания. Ладно, пошли выясняться у чуждого нам эксперта.

Коней оставили на попечение ватаги, велели, пока нас нет, обедать и отдыхать, и ушли вслед за Марфой, как за надежнейшим проводником польских туристических групп Иваном Сусаниным. Куда ты ведешь нас Сусанин-герой? Идите вы нафиг, я сам тут впервой!

Брели по каким-то буеракам минут десять, перелезая через поваленные деревья и с большим трудом пробиваясь сквозь валежник и бурелом.

Среднеазиатка проникала через все препятствия с такой необычайной легкостью, будто сказочный Серый Волк, стряхнувший с себя осточертевшего Ивана Царевича. Бедолага Волчок связался с этим подозрительным Ваней, по блатной кликухе Младший, всего лишь из-за сытного обеда кониной, и был вынужден воровать Жар Птицу, Коня Златогривого, Елену Прекрасную, а все это тянет лет на десять строгого режима. На криминальной разборке из-за передела приватизированного имущества – птиц, лошадей и девушек, был вынужден ликвидировать главарей бандформирований – Старшего и Среднего – а это уже в пожизненное заключение может вылиться. Не раз, наверное, думал: эх, лучше бы я в тот день поголодал или в лесу кого-нибудь, не имеющего такой авторитетной крыши, как у Ивана, которого опекает сам Царь, съел!

Что-то меня сегодня на какие-то глупые шуточки про-

шибло. Кто-то или что-то опять действует.

Интересно, на родине предков Марфы, основоположников породы волкодавов, в Киргизии, лес-то хоть растет какой-нибудь?

– Чары этот карла на нее навел что ли? – недоумевал боярин, – как по родной сторонке плывет! Где он сам-то тут пролез?

– Да гном, скорей всего, к нам и не лазил – уж больно быстро появлялся и исчезал. Фантом вместо себя, похоже, прислал.

– Это еще как?

– Морок наслал, привидение на себя похожее.

– Там бы с нами и говорил, а то премся тут по чащобе! Да еще в дыру какую-нибудь вонючую залезать придется! Мне дура-нянька в детстве вечно на ночь страшные истории о подземельях рассказывала, где упыри гнездятся, которые ночью к непослушным мальчикам приходят. Батя раз случайно услышал, три дня няньку порол – еле жива осталась, и матушке оплеух надавал.

– Вы кого тут, козы поганые, растите?! – орал на весь терем, – ему всего четыре года! Не дай бог трусом вырастет, поубиваю обоих дурищ!

Всех баб от меня отстранил, и приставил к своему единственному наследнику пожилого дядьку Савватия из своей дружины. Дядя Савва вырастил меня так, что я, кроме подземелий, ничего не боюсь. И умом отлично понимаю, что все

это ерунда и выдумки, что упырей уж лет сто, как всех извели, – а боюсь просто неистово, аж до трясучки, и ничего с этим поделать не могу! С голоду сдохну, а в погреб за едой не полезу.

У меня младенцев мужеска пола всего двое нарожалось, так я нянек сразу предупредил, что не дай бог, чего-нибудь ребенку похожее брякнут, выдумают каких-нибудь люлюк или бабаек, засеку точно насмерть. Я им не добренький Горазд Сосипатрыч! От плетей уцелеют твари, лично башку мечом снесу. В четыре года к обоим мальчишкам приставил по дядьке, теток отставил. А то эти овцы, им только воли дай, запугают малышей, чтоб самим поспокойней и послаще ночью в две дырочки посапывать. А тебя кем в детстве пугали?

– У нас это не принято было, – отмахнулся я. – А там, на берегу, карлик поговорил бы с нами, да очень, видно расход сил велик на каждую секунду времени.

– Это может быть, – согласился Богуслав. – Мы, волхвы, ни черные, ни белые, так делать не умеем. Сменить свой облик только ведьмы могут, наводят морок. А послать свой образ на расстояние – этого никто не может, я о таком даже и не слыхивал.

Марфа поджидала нас возле могучего дуба. Не знаю, сколько там в нем обхватов, но баобаб был первейший. Стоял он почему-то не в дубраве из товарищей-погодков, окружали его осины, клены и березы. Дубище был какой-то исконный, наш, древнерусский. Всплыло в голове пушкинское:

Златая цепь на дубе том:

И днем и ночью кот ученый

Все ходит по цепи кругом.

Цепь, видать, гномы утащили в свой где-то близенько выкопанный схрон, и работяга кот под шумок куда-то усвистал, а так один в один. Котяра, небось, мотивировал свое решение, противоречащее каноническому стиху классика, попростому: некому, мол, тут песни заводить, да сказки говорить, и подался в более людное место.

И не дай бог в Новгород! Поет, небось, не хуже меня, похабных баек наверняка знает не меньше, а если по ходу наловчится и плясать на какой-нибудь позолоченной цепке, конкуренция меня просто подкосит.

Все вокруг дерева поросло густым кустарником.

Живенько гляделась молодая дубовая поросль, явно выросшая из желудей патриарха. На юношестве, кроме желтых и красных листьев, еще виднелись и зеленые. Под дубками явно, кроме земли, ничего не было, иначе лист либо бы не вырос, либо висел коричневый и мертвый. Эти деревца всю жили. Непохоже, чтобы тут подземный карликанский бункер базировался. Да и никаких признаков лаза под землю не наблюдалось.

Хотя вон, на высоте двух человеческих ростов зияет здоровенное дупло, в которое при нужде может протиснуться взрослый мужчина. А там, наверное, по дубу вниз уйдешь. Так вот ты какая, дверь в город гномов!

Богуслав тоже глядел на отверстие.

– И как мы туда попадем? – спросил он, – как белки по стволу вверх взлетим?

Судьба белки-летяги тоже не казалась боярину заманивающей, но значительно превосходила в его глазах вариант ныряния в преисподнюю.

Вдруг алабаиха гавкнула как-то особенно звонко, и здоровенный кусок земли вместе с кустами и деревцами отъехал в сторону, открыв изрядный лаз. О как! Хорошо хоть весь дуб не убежал!

Марфа заструилась вниз по невысоким ступенькам, я подался за ней. Какой-нибудь сыростью, затхлостью и не пахло, холодом, как в погребе не охватывало.

Почуяв неладное, обернулся. Богуслав стоял бледный, глаза закатывались, ноги подкашивались, руки бессильно повисли вдоль туловища. Эк тебя разобрало!

Вспомнились рассказы сильно испугавшихся женщин:

– Как вынул он нож, меня прямо оторопь взяла – ни крикнуть, ни позвать на помощь не могу, руки-ноги не шевелятся. Куда там бежать или защищаться! Пусть берет, что хочет, со мной делает, что хочет!

Мой страх высоты перед этим ужасом, вроде легкого дуновения ветерка перед смерчем. Такого я никогда не испытывал! Всегда готов обороняться, наступать, бегать и прыгать.

– Ты, Володь, как-нибудь там один продержись...

Ну уж дудки! Как миленький ты у меня полезешь! Я спустился немного вниз, обернулся.

– Слава, ты только погляди, что там делается! – и показал вниз рукой, – как они пляшут!

Боярин на подкашивающихся ногах приблизился. Когда до меня оставалось еще метра два, начал заглядывать в лаз.

Далеко его хватать нельзя, успеет раскинуть руки, вклинится в дыре, намучаешься с ним потом, плюнешь и один уйдешь. Скоро и мы станцуем.

– Еще шажок, Слав! Всю карусель пропустишь!

Полтора метра.

– А этот, маленький, колесом пошел!

Метр.

Бог даст, успею. Пляшем!

И понеслось. Во! Пришла сила, ускорились реакции. Молнией вылетел из лаза, ухватил железной ручищей, полной богатырской силы, боярина за ворот кафтана, и уволок в подземелье. Выглядело это, наверное, также, как лягушка, ловящая муху языком – мелькнуло что-то и нет насекомого.

Махом стащил его вниз по лестнице. Богуслав, окруженный мрачными сводами подземелья, сомлел окончательно. А я уже быстро-быстро волок его вглубь с бешеной скоростью. Время остатков силы, используемой сегодня уже второй раз, стремительно истекало.

Подхватить боярина на ручки мешала метровая высота перехода. Тут и пигмей со своим ростом 120-140 сантимет-

ров, набил бы шишек на почерневшей от солнечного света головушке, и мне приходилось бежать согнувшись. Кончится сила, я этого кабана здорового не уволеку.

Тревожно бренькнул колокольчик в ухе: Дзынь! Всего десять секунд осталось! Пролаяла Марфа, – сюда! – и ткнула длинным носом в циновку, закрывающую какой-то проем.

Я метнулся туда. Открылась небольшая комнатка. Гном стоял в центре. Закинул Богуслава на скамейку. Успел! Ва...

Сила ушла вся, никакой не осталось – ни простой, ни богатырской. Тоже упал на компактную скамеечку, начал озираться.

Комната была невелика, типа спальни в хрущевке, потолок очень низкий. По стенам, на уровне моего живота, были врезаны лампы, дающие ровный и неяркий желтый свет – примерно такая же люминесценция исходит от светлячков. На интенсивно белое свечение гнилушек это было непохоже.

Перевел глаза на карлика, уже скинувшегося плащик. Это был не человек! Любой наш карлик, лилипут или пигмей, в основном отличается от среднего и стандартного меня, только ростом. У карликов еще великовата голова и коротковаты ноги, лилипуты вообще один в один, правда мелковаты ростом, но они мои генетические братья. Болезненные, силой не блещут, так ведь родственников не выбирают.

Это же существо было абсолютно чуждым, и ни в каком, даже очень дальнем родстве, с человеком не состояло. Полметра ростом, коричнево-зеленый индивидум неотрывно

глядел на меня абсолютно белыми, без зрачков и радужек глазами. Вспомнилось старинное русское название: чудь белоглазая. Ладно нету радужки, это о людях говорят – синеглазый, кареглазый, этот пусть будет белоглазый или безглазый – начхать, но как он видит без зрачка?!

Все пропорции были нечеловеческие. Невероятно большая голова вызывала ассоциации с месячным младенцем. Громадные глаза напоминали рисунки, изображающие инопланетян, а уж поразбавить бы цвет кожи с темно-зеленого до средне-зеленого, и милости прошу, пожалуйста в летающую тарелку.

Правда, строение черепа имело какие-то странные особенности. Казалось, что на голову нахлобучен древнерусский шлем – прототип революционной буденовки. Усиливало это ощущение полное отсутствие волос на «шеломе» и выраженный в центре лобной части грубоватый шов, идущий от глаз и до макушки. Приглядевшись к переливам цветности, я понял – это кожа, а под ней залегает сращение толстых костевых пластин.

Вместо носа стояла какая-то малюсенькая ерундовинка, челюсти были к ней подтянуты и тоже незначительны. Здоровенная белая бородаща, набившая оскомину в кино, мультиках, картинках, похоже у этого красавца и не пыталась вылезать никогда.

Длинные руки доходили до середины голеней. Прямо девичья засуха! На белом танце влет бы уходил.

Одеждой служила рубаха до пола без всяких украшений и изысков. Отсутствовал даже пояс.

Наконец гном завозился, подал голос.

– Я все увидел. Поговорим.

Богуслав шумно вздохнул – оклемывается бедолага.

– Чтобы твой друг тоже был в силе и смог участвовать в нашей беседе, давай его вылечим.

– Давай, – охотно согласился я, а сам заглянул, как там у боярина в мозгах положение.

Положение было хуже, чем плачевное – раздрай с нарушением связей между структурами психики был налицо. Да, это я, пожалуй, сдурковал, что повлек его сюда – сидел бы боярин наверху, да тихонько себе боялся. Недооценил степень опасности. Придется Богуслава дня три теперь лечить, а то и дольше, – связей порушено немало. Что ж, и на старуху бывает проруха.

– Представь его в полной силе.

– Да я к нему в мозги и не лазил сроду!

– Это неважно. Вспомни хотя бы изменения внешнего вида при какой-нибудь яркой эмоции.

– Это можно.

Тут же всплыло, как гнев на слуг менял лицо боярина-дворецкого, с какой перекошенной физиономией он наводил ужас на челядь, и как все это выглядело в минуты полного удовлетворения. Как изменял хохот внешность дяди Славы, как...

– Достаточно. Начинаю лечить, приводить мышление в порядок. Меня Ыгх зовут, если решишь что-нибудь сказать или спросить о чем, иначе не называй. А то ведь вы, люди, надавали нам в разных странах разных имен. Мы у вас и нижние альвы, и дверги, и цверги, дворфы, трепястоки, брауни, нибелунги, кобольды, лепреконы, дуэнде, стрелинги. В самых первых ваших государствах, Финикии и Египте, несколько тысяч лет назад, нас звали патейками. На Руси сейчас кличут краснолюдами, людками, чудью, копарями. Каждый народ имеет свое, особенное слово.

А мы по всему миру расселились гораздо раньше людей. Нет на свете такой земли, где бы нас не было. Мы тоже разные: лесные, горные, северные, песчаные, но язык у нас один, и одни и те же вещи называем одинаково.

– А как же название гномы, – удивленно спросил я, – оно, вроде, для всех ваших видов одно?

– Нет сейчас такого названия. Ты же из далекого будущего?

Я кивнул. Сильные кудесники видят это легко, отпираться бесполезно.

– Придумают, видимо, это в нашем будущем, а в вашем прошлом. Пока даже ничего похожего нету.

– Но может ты и не знаешь? Выдумали где-нибудь в Швейцарии, пока до тебя эта новость дойдет, пройдут долгие годы. У нас туда никто не ездит, от них я тоже никого не видал...

Ыгх поднял правую руку, останавливая не в меру разго-

рчавшегося собеседника. О господи, какие же у него когтищи! Может правильно Богуслав оценивал уровень опасности от подземелий и населяющих их вампиров? А копарь беседует со мной для пущего нагуливания аппетита? И чувство голода у него стремительно нарастает... А нас звали в гости, чтобы Богуславом пообедать, мной поужинать, а уж Марфа на полдник пойдет?

– Чтобы узнать новости, нам не нужно встречаться друг с другом. Каждую неделю мы общаемся в пространстве мысленно.

– А почему ты не такой, как у нас, в 21 веке, вас описывают и рисуют на картинках?

– Уточни, что ты имеешь в виду.

– Ты слишком маленького роста, нету большой белой бороды, одет как-то не так, здоровенный топор за пояс не заткнут, да и пояса-то никакого нет.

– Ваши художники рисуют наших горных братьев, а мы лесные, и выглядим совершенно иначе. Да и образ жизни у нас сильно отличается. Мы зовем себя антеки, они себя штрелинги – очень похоже на стрелингов у викингов. Они бродят днем, и солнечный свет для штрелингов хоть и неприятен, но безопасен. Для нас он смертелен, поэтому мы выходим только ночью.

Штрелинги много общаются с людьми, делают им оружие на заказ, активно торгуют своими поделками. Мы же стараемся ни в какие контакты с вами не вступать, обходимся да-

рами леса.

Горные воинственны, в конце прошлого века ввязались в большую войну с Эриком Рыжим на Шпицбергене, понесли очень большие потери. Они рассказывают, что он им кричал: я вам устрою полный рагнарек! Выжившие сидят тихо, ни в какие свары не ввязываются, мирно торгуют.

Штрелинги очень сильны физически, хорошие горнорудные мастера, очень любят золото. Вот они волосаты и бородаты, причем даже и женщины. Очень слабы в магии.

У антеков волосы не растут вовсе, с людьми нам делить нечего, чародеев у нашего народа много. Правда, очень сильных, вроде меня, мало – на наше поселение я один такой.

– А зачем вы запугали сельчан?

– Они рассказали месяц назад проезжавшим мимо купцам о нас и наврали, что мы очень агрессивны. Те слетали в Русу, привели большую дружину. Я мог бы и купцов, и воинов легко перебить, но потом придут большие ваши волхвы, начнется страшная война между нами и людьми. Мы не штрелинги, нам это не нужно. Недельку пересидели в тоннелях не высовываясь, переждали. А когда и проезжие, и дружинники ушли, стали пугать ваших землепашцев. Я навел на них морок, что их осадило грозное и многочисленное племя карликов-штрелингов, вооруженное до зубов: большие топоры, грозные палицы, убийственные сулицы. Мне помогал весь наш народ. Деревенские три дня, и днем, и ночью боялись высунуться из своих домушек. Вылез только один наглец,

скотину хотел покормить. Я сымитировал ему удар по боку дубинкой. Больше смельчаков не оказалось. Селяне уж и не чаяли остаться в живых. Собаки воют, коровы мычат, овцы блеют, бабы и дети плачут. Через трое суток они все, включая стариков и детишек, поклялись на своих иконах, что никогда и никому про нас больше ни словечка не скажут, и мы сняли осаду.

– Поубивать бы вас за такие дела, – мрачно сказал Богуслав, – вырезать бы всех в ваших поганых пещерах.

– Нас хотели убить еще дружинники, и абсолютно ни за что: мы никого не убивали, не грабили, не насильовали и не продавали в рабство. Антеки не едят мяса, мы не отбирали ваших охотничьих угодий. Мы не пашем, не сеем, просто собираем дары леса – ягоды, грибы, орехи, всяческие коренья. Нам нечего с вами делить. Но люди не могут терпеть возле себя хоть и разумных, но иных. Извели драконов, затем великанов, перебили все непохожие на себя близкородственные народы.

Видимо и питекантропы, и неандертальцы, и синантропы, и австралопитеки так и покинули этот мир, подумалось мне. Снежные люди, точнее жалкие остатки их племен, усиленно прячутся в труднодоступных горах и лесах от известного гуманиста всех времен и народов – человека разумного, которого уместнее было бы звать человек жестокий, человек не ведающий жалости, человек убийственный. Извели и массу своих племен – бесследно исчезли сарматы, гунны, скифы,

печенег, хазары и еще много-много других народов. Есть страны, где до сих пор охотятся на не уступающих нам в разуме дельфинов. И эти страны находятся не в вечно голодающей Африке, это богатейшие Дания и Япония. Убивать, убивать, убивать – вот три основных принципа существования человечества. И все поражаемся: а почему это инопланетяне не идут с нами на контакт, не несут в клюве свои изобретения: методику путешествий между звездами, принципы изготовления супероружия и прочее, прочее, прочее. Так жить-то хочется! А у нас излюбленные книги и фильмы про звездные войны между человечеством и инопланетянами. Нужно быть голимым инопланетным идиотом, чтобы выпустить людей с Земли, и они занялись в космосе тремя своими любимыми делами – убивать, убивать и убивать. А там, на удаленных от нас на безопасное расстояние звездах, почему-то таких дураков не находится. И нет контакта, хоть ты тресни!

– И наша раса прячется от людей все глубже и глубже, старается никаких дел с вами не вести – продолжил Ыыгх. – Потихоньку исчезли с вашего горизонта песчаные и северные, лесные почти уже не показываются, горные подсовываются к людям все меньше и меньше. Скоро мы останемся только в ваших сказках, легендах да стародавних былинах, и поэтому уцелеем. Через сто лет в этой запуганной нами сегодня деревне, об антеках никто и не вспомнит.

– А зачем мы тебе сегодня понадобились? – спросил дя-

дя Слава, – ехали себе мирно, ни в какие ваши разборки не ввязывались.

В его глазах появился привычный блеск, вся пришибленность страхом исчезла, похоже, сила духа вернулась. Славно подлечил лесной гном!

– Вы едете отводить от Земли очень большой камень. В этом вашей команде надо помочь. Последствия столкновения, даже для нас, будут ужасны – могут обвалиться наши залы, пещеры, переходы, – погибнет слишком много антеков, а мы и так немногочисленны; поляжет и будет гореть лес. Запасов еды у нас на три года хватит, а дальше? Помощи ждать неоткуда. А против вашей ватаги готовится выступить черный волхв Невзор – кудесник большой силы. Ночью я бы его осилил, а днем мы, антеки, не бойцы. Вряд ли темный будет ждать захода солнца. Постараюсь вам помочь отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.